

Leon Rain

**СЕМЬ
СМЕРТЕЙ
ДОКТОРА
МАРКА**

Книги о войне

Leon Rain

Семь смертей доктора Марка

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

Rain L.

Семь смертей доктора Марка / L. Rain — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2021 — (Книги о войне)

ISBN 978-5-907379-72-5

Повествование о докторе Марке – удивительная история о любви, предательстве, неожиданном спасении и ежедневной битве за выживание в тяжелейших условиях военного времени и лагерного быта. Эта книга – художественная реконструкция жизни Марка Цалихина в описанный период, именно так и следует к ней относиться.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-907379-72-5

© Rain L., 2021
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2021

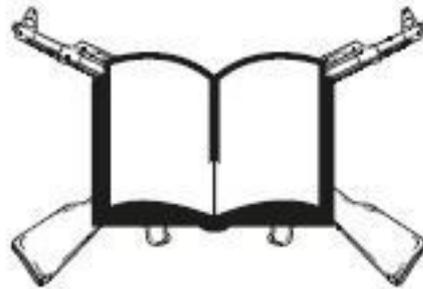
Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	32
Глава 7	47
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Leon Rain

Семь смертей доктора Марка

Книги о войне

© Leon Rain, 2021

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2021

Собралась я с духом и дочитала эту прекрасную, но тяжелую историю. Мне страшно представить, сколько боли пришлось вытерпеть многим людям, многим семьям, и как много этой нерастраченной боли осталось в прошлом. Забыто, потому что об этом «не принято говорить». И я правда рада, что такие книги выходят в свет. Автор не боится показать, что хорошие люди и откровенные подонки были и по ту и по другую сторону баррикад. Я очень хочу, чтобы такие рукописи находили больше отклика в сердцах людей. Это очень тяжелый и выстраданный текст. История сама по себе заслуживает того, чтобы быть рассказанной не только в семейном кругу.

Анастасия Постромина

Предисловие

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Сегодня я представляю вашему вниманию свою вторую книгу – «Семь смертей доктора Марка». Несколько слов о том, как появился замысел этой истории. Я закончил свою первую рукопись «Чёрный молот красный серп», заключил договор с издательством и начал писать следующую, на совершенно другую тему.

Просматривая публикации в одной из групп на ФБ, я прочитал примечательную заметку. В ней шла речь об удивительной судьбе одного человека, Цалихина Марка, врача, попавшего в плен в начале ВОВ и прошедшего пересыльный лагерь для военнопленных в Гомеле, где он сумел стать лагерным врачом и помочь подпольщикам, а потом ушёл к партизанам. Когда Гомель был освобождён, Марк продолжил борьбу с фашистами в рядах Красной армии. За месяц до окончания войны на территории Германии его арестовывает Смерш за то, что он был

в плену. Марк подвергается пыткам и вынужден подписать самооговор для спасения своей жизни. По приговору трибунала получает десять лет лагерей, которые отбывает в Печорлаге. Только после смерти Сталина он выходит на свободу, но с ограничениями. Не имея специального разрешения посещать и жить в пяти крупнейших городах СССР и покидать пределы Печорлага, он тайно едет в Москву, чтобы навестить сестру и мать, которых не видел пятнадцать лет. Там знакомится с прекрасной женщиной, которая соглашается выйти за него замуж и оставить столичную жизнь, чтобы переехать к нему в Печору, небольшой городок в Печорлаге. После войны и реабилитации, доктор Марк поселяется в Гомеле, продолжив врачебную деятельность поближе к боевым товарищам по партизанскому отряду, ходит по улицам, где когда-то находилось гетто и где он ходил, будучи заключённым Дулага, навещает на дому своих пациентов.

Удивительная стойкость, позволившая ему сохранить ясность ума, и желание продолжать помогать людям вызвали во мне чувство большого уважения. Я написал его сыну, опубликовавшему пост, и спросил, есть ли у него какие-либо документы, связанные с судьбой отца. После изучения документов я сообщил ему, что готов написать книгу о судьбе его отца под его настоящим именем. После получения согласия я приступил к работе и через некоторое время отослал её для ознакомления. Получилось немного символично, поскольку день отправки книги совпал с известием, что моя первая книга получила Пушкинскую премию по версии издательства Литромир и номинируется ещё на несколько других.

Повествование о докторе Марке – удивительная история о любви, предательстве, неожиданном спасении и ежедневной битве за выживание в тяжелейших условиях военного времени и лагерного быта. Эта книга – художественная реконструкция жизни Марка Цалихина в описанный период, именно так и следует к ней относиться. Несомненно, это одна из наиболее ярких историй о прошедшем войну и лагеря человеке, которую я когда-либо слышал. И я очень рад, что мне выпала честь рассказать её вам.

Я благодарен скульптору и художнику Александру Цалихину, доверившему мне историю его отца. Благодаря нашим совместным усилиям не останется безвестной ещё одна персональная судьба, и на могиле его отца будет установлен ещё один, на этот раз литературный памятник.

В конце книги представлены некоторые документы, связанные с Марком Наумовичем Цалихиным.

С пожеланиями приятного чтения и желанием создания серии книг о еврейских судьбах,

Всегда ваш, Leon Rain

Глава 1

В Саратов на учёбу

А ведь это серьёзный шаг – уехать из Ленинграда в провинциальный Саратов. Это, конечно, не маленький город, и он стоит на самой большой реке страны, на Волге. Это не Ленинград и не Москва, но мама, сестра и все остальные родственники безусловно правы: образование получить нужно, причём такое, которое может стать делом всей жизни. Сестрёнка Милька умница, поступила в Московский мед, но она зубрилка, без книжки не встаёт и спать не ложится. Не ведает, что в этой жизни так много всего интересного. Ну, а ему, Марку, придётся удовольствоваться Саратовским, да и в него ещё нужно и поступить...

Сердце немного замирает от неизвестности и перемен. Как оно там сложится? Мама будет скучать. Мильке так вообще не до него. Хоть и сидит целыми днями за учёбой, но поглядывает в сторону мужского пола. И хотя по сей день ни в чём замечена не была, но без его, Марка, пригляда выскочит замуж и оставит мать одну. А он пока ничем помочь не сможет, ну в самом деле, он и так должен будет жить у дяди, так ещё и мать сюда тащить? Марк вздохнул. Для начала нужно хотя бы самому как-то закрепиться. Пусть это не Московский с его строжайшими экзаменами, но и здесь тоже наверняка не за красивые глазки принимают.

Ну, вот и вокзал. Большое красивое здание, так в купеческой России и строили: с размахом, красивой отделкой, разными выступами и полукруглыми окошками, как бы отдавая дань знакомству с одной жестокой культурой, три века державшей Русь в узде. Но смешение культур в строительстве – это же так здорово! В Европе тоже, сначала готический стиль с его прямыми линиями, а уж затем всякие ренессансы пошли. А может, это дань чисто русской традиции? Стрелецкие заострённые башенки с полукруглыми оконцами. Не Москва, конечно, где всё строительство не в пример масштабней, и совсем уж не изящный европейский Ленинград, но, честно говоря, от провинциального Саратова он и этого не ожидал.

Ну, перрон обычный. В Москве и Ленинграде тоже на перронах не всегда чисто. Грузчики с тележками выглядывают выгодных пассажиров. А Марк им совсем не клиент, свой фибровый потёртый чемоданчик ему совсем нетрудно нести самому, он ещё и женщине с двумя детьми помогает тащить огромный баул. И что она туда наложилась, камни, что ли? Сам виноват, не предложил бы помощь, так уже и вышел бы на привокзальную площадь, а тут тащись с этой тяжестью да ещё слушай, как её дети плачут. А что может быть для молодого парня более утомительным? Уж лучше бы два баула тащил, но в тишине!

– Евсей! Дядя Евсей! Я здесь! Дядя-а!

– Марик, ну наконец-то, я уж решил, что ты передумал. А это кто, ты ж вроде неженатый?

– Какой там женатый! Это я попутчице помогаю.

– А, ну давай вместе, быстрее будет. Ого, гражданочка, вы не иначе как кирпичный завод ограбили!

– Извините, я должна была носильщика взять, мне так неудобно...

– Ничего, ничего, я пошутил. Мы все одна советская семья, должны помогать друг другу.

А что же ваш муж с вами не путешествует, отправил вас одну с маленькими детьми в такую дорогу? Ради бога не плачьте, я, наверное, что-то не то спросил. Я надеюсь, он жив?

– Я не знаю.

– Странно, вы не знаете, жив ли ваш муж?

– Его арестовали полгода назад. И с тех пор я ничего о нём не знаю, мне ничего не говорят, и передачи не принимают. А недавно велели квартиру освободить, и я решила сюда переехать. Здесь живёт тётя мужа, она единственная из всей родни согласилась нас принять. А у меня родителей нет, я в детдоме воспитывалась. И я даже не знаю за что мужа арестовали. Вы

извините, вы не обязаны мне помогать, я понимаю, сейчас время такое, вы вещи поставьте, я сейчас носильщика позову. Я вас и так уже задержала. Носильщик! Носильщик! Сюда, пожалуйста! Вы заняты? Сможете вернуться ко мне? Извините.

– Ну что вы, гражданочка, мы вас так не бросим посреди перрона. Если мы взяли, то уж до извозчика вас сопроводим.

– Спасибо большое. Я вот одна с детьми, а они ещё маленькие, вы же видите, так бы я ни за что вас тревожить не стала. А вещей много потому, что в Москву мы, наверное, уже не вернёмся. Да мне всё равно, где жить, лишь бы мужа отпустили. Там же разберутся, да? У нас же всё по закону, правда? Его же отпустят?

– Ну конечно же, разберутся! Разве наши органы будут держать в заключении невинного? Вы не волнуйтесь, если он невинен, то его обязательно отпустят. А как он вас найдёт? Вы кому-то сообщили, куда поехали?

– Нет. Родителей у него нет, умерли, а остальные родственники мне даже дверь не открыли. А у меня еды для детей совсем не было. Я даже не хочу вспоминать те несколько дней. Может быть, тётя мужа потом им напишет. Я уверена, слышите, уверена, мой муж ни в чём не виноват! Таких, как он, ещё поискать нужно! Вы даже не представляете, что это за человек!

– Ну вот, гражданочка, и извозчик! Давайте мы вам погрузить поможем. Прощайте. Ждите мужа. Если невинен, то обязательно вернётся. И верьте, пожалуйста, в советскую власть.

Марк смотрел вслед отъезжающей бричке. Вот так вот помогаешь незнакомому человеку и поди знай, что у него происходит. А сколько было отчаяния и недоверия в её глазах, когда дядя упомянул советскую власть. Неужели ошибка, произошедшая с её мужем, могла так озлобить эту молодую женщину? Ведь сама же говорила, что выросла в детдоме. Не сама же она росла, кто о ней заботился-то, кроме советской власти?

– Марик! Заснул, что ли? Запрыгивай!

Марк запрыгнул в бричку, поставил в ногах чемоданчик и стал наблюдать за непривычным пейзажем вокруг. Дома, в отличие от Ленинграда, где кварталы прерывались каналами, здесь тянулись длинной чередой и были не такими ухоженными, как в северной столице. Люди, сразу видно, одеты по-другому. Да и сам дядя одет довольно просто, хотя должность у него для своих лет вполне солидная – директор автомобильного института. Звал к себе в институт, туда бы он Марка без особых проблем пристроил, но нет у Марка такой уж большой тяги к автомобильной технике. Если бы можно было купить себе авто, такое, как в тех смешных иностранных фильмах, которые он крутил в своей киноподкладке, то тогда другое дело, а так – не его это. Конечно же, мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор, но тяги к технике (далее увлечения работой киномеханика) он не испытывал. Крутить кино – милое дело! Зарядил бобину, перемотал просмотренную и сиди себе, отдыхай. Он так на работе к экзаменам и готовился: зарядит новую часть – и снова в книги. Несколько раз не запустил так вовремя следующую часть. Что только ему из зала не кричали. Сапожник – это самое безобидное из всего, что он услышал. Он даже не раз представлял, как из него варят мыло – так красочно рабочая интеллигенция расписывала этот процесс из зала. Но зато зарплату какую-никакую имел и фильмы все новые пересмотрел и художественные, и документальные. Совсем недавно начали приходить документальные фильмы о гражданской войне в Испании. Симпатии всех советских людей были на стороне республиканцев. Да и как могло быть иначе, не поддерживать же режим Франко, угнетающий рабочий класс и крестьян? Какие красивые, воодушевлённые лица. Вот это люди, вот это события! А здесь сидишь над учебниками в благополучной стране, где всё для народа, где единственная забота – хорошо подготовиться к экзаменам. Да и то, он поступать в Москве побоялся, поехал в провинциальный Саратов. Этим испанским ребятам его бы проблемы.

– Марик! Очнись! Ты о чём задумался?

– Ой, дядя Евсей, извините, улетел.

– Что, о Ленинграде-красавце вспомнил? Ну ничего, у нас тут тоже не деревня. Освоишься, приживёшься, ещё и уезжать не захочешь. Нашей семье здесь нравится, река у нас знаешь какая? Вот то-то и оно! Я сначала тоже не мог привыкнуть, а сейчас никуда отсюда и уезжать не мыслю. Выйдешь на берег Волги – ух, какие просторы! Да ладно, ты и сам увидишь. Давай, рассказывай, как там мать, как Миля, совсем невеста поди? Да и ты уже не мальчик, невеста есть? До сих пор нету?

Приходи в себя, я понимаю, что для лечения душевных ран нужно время. И воздух нужен, наш волжский воздух и водичка наша! Вот пока лето не кончилось, мы с тобой ещё искупаться сходим, поди в Неве много некупаешься, а?

Да, с дядей скучать не придётся, ещё тот весельчак. Ну и хорошо, отец тоже был весёлым. Жалко, умер, когда Марку всего тринадцать было. Сейчас-то дядя ему уже отца не заменит, а тогда он был бы очень рад, если бы дядя жил рядом.

Подъехали. Старинный купеческий дом с чугунными воротами. Вот это дядя у него! Отпустили извозчика и пошли по дорожке к дому. Дворник посторонился, освобождая им проход, и продолжил шаркать метёлкой по асфальту. Прохладный чистый подъезд, широкая мраморная лестница. Поднялись на третий этаж, и дядя позвонил в массивную дверь.

– Евсеюшка, проходи. А это Марк? Прходи, Марк, через порог знакомиться не будем. Какой ты симпатичный! Скоро все саратовские девушки у твоих ног будут. Сразу видно, Цалихинская порода! Ой, Евсей, а как вы с племянником похожи, видно, что из одной бочки наливали. А меня Марией зовут. Тётей меня звать не надо, зови просто Машей. Я ж всего лет на десять тебя старше, так какая из меня тётя? Ну, проходите, мальчики, скоро обедать будем. Евсей, покажи Марку его комнату и где умыться с дороги.

– Ну проходи, Марик, не робей. Вот эта комната твоя, небольшая, но зато отдельная. Живи и учись, будешь нас на старости лет лечить. Маша у меня хорошая, но строгая, за чистоту шкуру спустит, так что чтоб в этом плане без проколов. Ну, ты же будущий медик, тебе без гигиены никак. Бросай чемодан, идём ванную и туалет покажу. Вот полотенце свежее, давай умывайся и подтягивайся в кухню.

Марк с удовольствием вымыл с мылом руки и прохладной водой сполоснул лицо. Тётя ему понравилась, довольно приятная и симпатичная. Правда, бока уже заплывают, но это же со всеми после тридцати случается. Да ему, собственно, какое до этого дело? Дяде Евсею подходит, и ладно, а уж он себе, если поступит и останется тут жить, обязательно найдёт молодую, стройную и забудет про своё разбитое сердце.

Обедали в гостиной, сидя за массивным старинным столом, на таких же тяжёлых стульях. Впрочем, они оказались довольно удобными.

На первое был куриный бульон с манделакх – обжаренными кусочками теста. Марк и не думал, что обычный куриный бульон можно разливать по тарелкам с таким достоинством, да ещё из старинной супницы, которые ещё в прошлом веке только знать могла позволить себе ставить на стол. Маша брала легонько массивную тарелку, наливала в неё четыре половника светло-жёлтого бульона и аккуратно ставила в тарелку побольше, стоящую перед каждым. Обедали втроём, Марк знал, что у него есть двоюродная сестра, дядя даже присылал фотографию всей своей семьи, но сейчас Леночка отсутствовала. Она заканчивает поток в пионерском лагере, и познакомиться с ней удастся только через две недели. Это обстоятельство несколько не расстроило Марка, он же приехал не в детский сад играть, ему к экзаменам готовиться.

На второе были говяжьи рёбрышки с пюре и кислосладким соусом. На третье отменно заваренный чёрный чай с тортом. Торт Марку очень понравился, и он тут же выдал комплимент расплывшейся в улыбке хозяйке, за что получил ещё один кусок на добавку.

– Ты, племяш, не думай, что каждый день как баре обедаем. Это в честь твоего приезда Маша наготовила, а так я больше на рыбалке пропитание добываю, – и Евсей зашёлся в неудержимом смехе, который тут же поддержала Маша. – Ты как насчёт с удочками посидеть?

– С удовольствием.

– Ну вот мы завтра с тобой по случаю выходного дня и прогуляемся на Волгу-матушку, посмотрим, что она припасла для новых жителей славного города Саратова. А сегодня отдыхай с дороги, вон там у нас книжный шкаф, выбирай что понравится. Если вопросы по книгам, то к Маше, а я пошёл удочки готовить.

* * *

– Ну что, племянничек, наелся, напился, я могу убирать?

– Так давайте я помогу.

– Марик, мы же договорились, на «ты». Спасибо, сегодня помощь не нужна. Да ты не переживай, я не всегда такая добрая. Я и гаркнуть могу знаешь как! Ты ещё меня не знаешь. Но я тебе так скажу, не пугайся, если я на тебя когда голос подниму. Это не значит, что я к тебе плохо отношусь, это значит, что девушке просто нужно на кого-то пошуметь. Ничего страшного, если иногда этим кем-то будешь ты. Не всегда же Евсею за всё получать по голове, вон, и так уже лысеть начал. Так мы договорились, студент?

– Договорились.

– Ну тогда иди отдыхать и заниматься. Это твоё самое важное занятие на ближайшее время. Когда в институт пойдёшь?

– В понедельник. Документы все подам и расписание экзаменов уточню. Спасибо за обед.

– На здоровье.

Марк отправился в свою комнату. Пока ему всё нравилось: дядька вообще свой в доску, Маша тоже ничего. Держится довольно дружелюбно, но пока между ними дистанция. Хорошо, что у них с дядькой хорошие отношения. Это сразу видно, они так переглядываются, как это могут делать только влюблённые люди. С тётей он поладит, он же всегда ладил со старшей сестрой. Осталось только дожидаться знакомства с девятилетней Леночкой. Вообще, так странно, они вроде бы не так далеко друг от друга жили, вполне можно было сесть на поезд и добраться, но как не стало отца, так и связующее звено пропало. Сам Марк был ещё мал, чтоб решать такие вопросы, а дядя иногда проездом гостил у них день-другой. А вот с семьёй его только сейчас довелось познакомиться. И как-то всё будет, если он поступит? Не станет же он жить у дяди до конца учебы? Ну, сейчас всё одно рано об этом думать, а вдруг ему вообще через три недели домой, и прощайте мечты о медицине? И тогда он вернётся в свой кинотеатр и будет крутить кино, водить девчонок к себе в будку, а там уж и время покажет. Сейчас нужно отдохнуть с дороги, хотя чего вхолостую отдыхать, он же может почитать что-нибудь к экзаменам.

Ближе к вечеру Евсей, заглянувший к племяшу, снял с него учебник, упавший на грудь утомлённого абитуриента, и выключил свет. Ничего, завтра у них будет предостаточно времени побеседовать.

Марк понемногу привыкал к Саратову. Неплохой город, если поступит, то, возможно, и не будет жалеть о переезде. Документы в институт приняли без всяких проблем, сказали когда подойти и уточнить себя в списках на экзамены, а пока отправили готовиться. Вот интересно, а зачем будущему медику нужно хорошо знать литературу? Чтобы красивым литературным языком заполнять истории болезни или вести с больными разные красивые беседы? А может, просто для того, чтобы можно было красиво ухаживать за девушками? Ну, для этого лучше подойдёт французский. Как красиво, скажем, любовь на французском – амор. Почти как наш Амур, пухленький шалопай, поражающий граждан разного пола из своего лука, лишая их сна. Вот и Марк первую ночь спал как убитый, натрясшись в поездах, а теперь сон снова от него

ушёл. Пусть, пусть она была старше, и ребёнок был не его. Но у них была почти что семья, и он о ней заботился. Ещё немного и пригласил бы в ЗАГС. Да что теперь... может, и лучше, что всё так вовремя закончилось, пока не появился свой ребёнок? Да, сейчас немного болит и ноет, но всё пройдёт, а если само проходить не захочет, то он выучится на врача и сам себе пропишет какие-нибудь капли от сердечного недуга. Ха, сам себя успокоил, скорее уж от душевной болезни. Что сердце? Просто мотор для перекачивания крови.

*Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор.*

А за себя Марк точно знал, что его мотор пламенный. Как влюбится, так всё вокруг пляшет и огнём горит. Ну, что поделаться, если бог дал ему такую приятную внешность, что он нравится девушкам. Да и они ему нравятся, мамини подружки вон тоже всегда от него в восторге. «Маричек, как твои дела!», «Маричек, как ты вырос и возмужал!», «Маричек, когда ты женишься?» Замучили! Если б не мама, то рявкнул бы на них, чтоб отвязались! И Милька тоже его любит и гордится им. Но при случае не забудет напомнить, как помогала ему с горшка слезать. Вот ведь зараза! Но куда от неё деваться? Марк тоже любил сестру, не то чтобы в повседневной жизни они всё время были вместе, но когда расставались, всегда сильно скучали. Вот и сейчас не успел уехать, а уже хочется увидеть эту улыбающуюся ему физиономию. И мама любит, когда все вместе дома. Так ей спокойней, но виду не подаёт. Это ведь может когда-нибудь помешать планам её детей, а для мамы важно лишь бы им было хорошо, о себе уж в последнюю очередь можно подумать. Нелегко ей досталось воспитывать их с Милькой без мужа. Ну Милька хоть постарше была, почти взрослая, а он остался без отца совсем мальчишкой, когда мужская рука так нужна.

Всё, хватит о грустном – учиться, учиться и учиться! Как завещал великий Ленин! Интересно, а что бы Ильич сказал, глядя, как изменилась страна? Вот бы показать ему новые заводы, фабрики, электростанции. Один ДнепроГЭС чего стоит, только ради этого стоило весь дореволюционный строй поменять! А интересно, когда Марк закончит медицинский (то, что он туда поступит, он почти нисколько не сомневался!), будут уже к тому времени такие лекарства, что их только показать больному, а лечить и не придется? Ладно, фантазировать можно без конца, но то, что советская медицина самая передовая – это факт. Куда им там, в капиталистических странах, угнаться, они же должны только богатых обслуживать, а у нас всё и для всех. Интересно, как он будет смотреться в белом халате и колпаке? Мамини подружки сразу бы дружно загалдели. «Ой, Маричек, как тебе идёт форма врача!», «Маричек, померяй мне давление!», «Маричек, выпиши мне таблетки!»

Выпишу, всем вам выпишу! Первым делом слабительное, чтоб не приставали. Ну, маму пока Милька будет лечить. Можно себе представить, Эмилия Наумовна Цалихина – ведущий специалист нашей клиники! Пускай, пускай стремится, может, когда-нибудь и станет ведущим, а пока пусть простым терапевтом побудет.

Экзамены прошли нормально, зря он так переживал. Посмотрели бы вы на этих абитуриентов. Такой разнородной массы в жизни не видел. И это – будущие врачи? Да с такой внешностью от половины пациенты сами убегут! Хотя были там симпатичные девушки, а вот своих еврейских девчонок не много и не очень симпатичные. То нос горбатый, как у орла, то физиономия круглая и рыжая, да ещё с веснушками, да и бог с ними, ему ведь жениться всё одно рано. А когда созреет для этого, то невеста същется. И вот тогда он будет выбирать, именно так, он будет выбирать, а не его!

Были там приятные девочки, надо бы имена разузнать. Выйдет ли что – ещё неизвестно, но хотя бы будет с кем общаться. Он там рассказывал пару анекдотов для знакомства, так парочка девочек так смеялись, обнажая свои зубки, что можно было сразу приглашать на свидание. Обе бы с радостью согласились. Но куда торопиться? Только начинается учёба, нужно осмотреться, может быть, в группе будет ещё кто-то, тогда и можно выбрать, чего же сразу начинать с первых попавшихся. Да и некуда пока приглашать, не к дяде же.

Вот теперь, когда он поступил, можно и работу киномехаником поискать. Большой кино-театр не подойдёт, там работа по сменам, а он теперь студент, с утра в аудитории. Лучше всего небольшой клуб рабочей молодёжи, один-два сеанса вечером и всё. Милое дело, всегда приятно, когда копейка в кармане водится – и на себя потратить, и перед барышней не краснеть.

Подработка нашлась через неделю, как Марк и хотел, при небольшом районном Доме культуры. Что там было с культурой, его не интересовало, а вот дом – это уже что-то! Иметь крышу над головой, где можно, немного зарабатывая, ещё и готовиться к занятиям – это совсем неплохо! Да и потом, когда он немного войдёт в ритм, всегда легче знакомиться с девушкой, пригласив её в собственный кинотеатр. Он такое уже не раз проделывал. Правда, остался у него осадок от того дня, когда он пригласил одну ленинградскую красотку провести его в кино-будке. Тогда ему пришлось открыть дверь от страшного грохота. А как он напугался, когда увидел людей в форме! И сразу первая мысль: кто мог его сдать? Но милиционеры даже не обратили внимание на то, что в будке посторонние, хотя это строжайше запрещено инструкцией. Они просто велели ему немедленно остановить сеанс. А когда Марк спросил, что случилось, ответ настолько поразил его, что всё остальное он помнил как в тумане.

– Кирова убили.

Марк ещё хотел спросить какого Кирова, но запнулся и только почувствовал, как кровь приливает к голове. Чувство было такое, что вот-вот начнётся война. Да и как можно чувствовать себя иначе, шутка ли, партийный руководитель северной столицы, любимец товарища Сталина, и убит. Как такое могло произойти? Какие злобные мысли должны были быть у врагов в головах, чтобы так ненавидеть советскую власть! Марк чувствовал желание голыми руками рвать на части всех, кто мог быть причастен к убийству. Остановив сеанс и включив свет, он смотрел на людей, сидящих внизу. Сначала были обычные выкрики грозивших натянуть ему глаз на жопу, если он немедленно не продолжит сеанс, но когда в зал вошли милиционеры, зрители притихли. А после того, как им объявили причину, зал зашумел, заговорил, тут же нашлись активисты и предложили прямо на месте провести спонтанный митинг. Но милиционер сказал им просто, не поднимая голоса, прямо сквозь висящие длинные прокуренные усы:

– Такое вот дело, товарищи. Погиб Сергей Мироныч, коммунист, верный соратник товарища Сталина. Светлая ему память. А митинг спонтанный не нужно, идите, товарищи, по домам, а мы зал закроем и пойдём ещё людей оповещать. А завтра уже из райкома вам скажут, какой нужен митинг. Чтоб ошибки какой не вышло. Идите, товарищи.

И люди поняли его, ведь он не кричал на них, он говорил с каждым, словно тот был ему братом или сестрой. Он говорил, а они понимали, что ему хочется плакать, а он не имеет права, потому как на службе. И все стали выходить. Но нашлась одна, не выдержала, закричала, подбежав к милиционеру, и глядя ему прямо в глаза:

– Да что ж это делается! Как убили? Нет! Не верю! Я ж его только пять дней назад живым видела! Нет! Нет! Нет.

И обмякла. Не будь милиционера, так и упала бы. Вовремя он её подхватил, и стояли они в обнимку, вместе переживая горе. Она залила ему слезами весь его мундир, а он стоял, не смея шелохнуться, и только гладил её волосы. Ну как можно было не заплакать, глядя на такое? И тут же бабы подхватили, и завыли, и запричитали. И сразу стало шумно в зале, и ещё несколько минут никто не думал расходиться, словно ожидая какого-то продолжения, но Марк дал продолжительный звонок, а потом ещё один. Он помнил, как гудели все заводские гудки,

когда умер Ленин, как всё вокруг наполнялось одним большим и сильным свистом паровозов и заводских гудков. И он салютовал верному ленинцу-сталинцу, он, первый. Рука на звонке дрожала. Люди замерли, оглушённые звонком, а потом кто-то крикнул:

– А ну айда все к Смольному!

И толпа хлынула на выход, толкаясь и торопясь, как будто без них не начнётся тот самый стихийный митинг. А ещё через несколько минут кинотеатр опустел, дежурная закрыла двери, а Марк погасил свет. Его первое свидание с красивой девушкой прошло скомкано: она сидела вся в слезах, а потом поднялась и, сказав, что тоже идёт к Смольному, вышла и зацокала каблучками по лестнице. Марк только понимающе кивнул ей вслед. Он бы и сам пошёл сейчас со всеми, да ему нужно было перемотать бобину с фильмом. Ведь завтра он всё равно должен будет её сдать. И он остался один, включив радио и слушая траурную музыку, в которую вклинивался только шум перематываемой ленты.

Глава 2

Манифест

Четвёртого декабря одна тысяча семьсот шестьдесят второго года Российская императрица Екатерина Вторая, урождённая София Августа Фредерика, происходящая из немецкой династии князей Ангальт-Цербстских, издаёт манифест «О дозволении всем иностранцам, кроме евреев, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». И потянулись в землю русскую вереницы иностранцев, земель российских возделывать пожелавших да ремёслами промышлявших за просторами российскими, наделами земель да жизни бесподатной аж на тридцать годов обещанной для поселившихся на праздных землях. А ежели кто в городе поселиться удумал, так десять годков пошлину платить не будет, только в столичных городах да в местностях Лифляндских, Эстляндских, Ингерменландских, Карельских и Финских ограничить неуплату пятью годами.

Глава 3

Краткая историческая справка

По прибытии в землю русскую встреченные в приказе, специально для дел тех учинённом, присягали на верность земле русской и государыне, после чего доставлялись по губерниям, иностранцами заселяемым. И позволялось веру свою отправлять свободно по уставам и обрядам, а тем же, кто решит в колониях и местечках поселиться и церкви свои с колокольнями возводить. Не понимающие языка русского звались немтырями или немцами. И различия не было, голландец ли приезжий аль германец – для русских всё едино, немец. Так их всех на Руси с тех пор и звали. Народ приезжий оказался дюже трудолюбивым и законопослушным, в грабежах али разбоях каких замечен не был. Поначалу вызывали приезжие любопытство невиданное у местных жителей, кои считали, что рога у приезжих быть обязаны, да дюже удивлёнными уходили, каковых не обнаружив.

Земледелие поселенцы развивали исправно, привезя с собой невиданные на Руси до тех пор плуг, косу, молотилку деревянную, привезли и начали культивировать картофель, вместо привычной ржи стали сажать больше пшеницы, льна, конопли да табака, коего производилось до сорока тысяч пудов. Даже фабрики табачные построены были.

И свои дома колонисты строили добротнo, в чистоте их содержали и порядке, равно как и скотину свою и другую живность. Садили овощи, гнали спирт из сахарной свеклы, поднимали маслобойную промышленность, строили мельницы да фабрики всяческие, кожи выделывали да обувку тачали. Полезным людом оказались те переселенцы. Многие из них местом своего поселения выбрали окрестности города Саратова Астраханской губернии. Это уж потом Саратов губернским городом стал, а опосля Отечественной войны двенадцатого года добавилось в городе иностранцев. Пленные французы к работам общественным привлечены были. Селили их с прочими немтырями в немецкой слободе, пожелавшие же милости русской были наделены подданством, обзаводились семьями, в коих муж мог зваться Жаном аль Клодом каким, а жена Прасковья али Аграфена. Так и стирали память о происхождении своём французском через пару поколений. Германские же немтыри держались обособленно, с местным населением родниться не спешили, религию свою лютеранскую али католическую соблюдали. Строили кирхи свои, да там всей общиной и молились.

Так и жили до самой революции, когда и в их поселения пожаловали большевики со своими лозунгами равенства и братства. Да только особого понимания у колонистов не сыскали. А поскольку хозяйство у колонистов было справное, а почти все они, по новым революционным положениям, считай, кулаки, то и обошлась с ними новая власть как со всеми остальными классовыми врагами, изъяв всё, что только можно было, включая семена и скотину, загоня всех в колхозы. Но не тянулся тамошний работающий люд к порядку новому, не полюбился он колонистам.

В конце XIX века немцев в России было почти два миллиона, из которых чуть больше половины были расселены по колониям. А Саратов быстро становился столицей Волжского региона, вокруг него расположилось более ста колоний. Здесь было много курсов повышения квалификации и ВУЗов, а также издавалась газета на немецком языке.

На то время в госаппарате служило 35000 немцев. И 300 человек занимали губернаторские должности, а из 12 министров финансов 5 были немцами. Ещё при Петре Первом немцы активно служили в армии, получая после службы дворянские титулы. В Академии Наук, основанной Петром Первым, из 13 первых академиков 9 были немцами. После же начала Первой Мировой все немцы из Академии Наук были исключены.

При правлении Александра Второго упраздняются льготы немецким колонистам. А оставшиеся исполняют воинскую повинность и получают русский язык в качестве официального и школьного. После чего часть колонистов убывает назад, в Германию.

Экономические успехи немцев зачастую вызывали зависть соседей, тем более подкрепляемую плохими отношениями между Россией и Германией.

К началу двадцатого века немецкое население составляло 2 070 000 человек и было на 9 месте по численности.

После первых поражений России в Первой Мировой большая часть из 300000 служащих там обрусевших немцев была перекинута на Кавказ. А в Петрограде и Москве состоялись немецкие погромы.

19 октября 1918 года образована Республика немцев Поволжья со столицей в г. Энгельсе. Экономическая программа большевистского правительства – военный коммунизм. Множество хозяйств были разорены и голодали так сильно, что зарубежные страны организовали отправку для них срочной помощи.

НЭП 1921 года позволил вздохнуть немного свободнее, но ненадолго, до 1929 года. А потом 14 000 человек пытаются выехать из-за изменения экономической политики, и половина из них получают разрешение, а 50000 оставшихся причислены к классу немецких кулаков.

После 1938 года преподавание на немецком языке было запрещено, теперь на нём преподавали не более двух часов в неделю.

В начале войны Германии против СССР почти миллион этнических немцев были депортированы в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Часть из них были включены в трудовые колонны и работали как в лагерях военнопленных.

Немцы, являвшиеся на тот момент служащими Красной армии, были переведены в стройбаты и сосланы на Восток страны на принудительные работы.

Глава 4

Начало учёбы. Ольга

Вот и первый раз в этом учебном году студенты входят в аудиторию. Сначала, как полагаются, был митинг. Ректор, проректор, студенты старших курсов – все поздравили и произнесли речи. И от них выступила какая-то активная девица, поблагодарила и заверила, что в стране готовится достойная смена молодых врачей. И уже после этого зашаркали, затопали, зацокали и поспешили занимать места. Марк сразу забрался повыше и подальше. Он высокий, так заслонять не будет, да и быть всегда на виду тоже не хочется. А на последнем ряду всегда можно подремать, если что. Раскрыли общие тетради и стали конспектировать. Вот и началась учёба, о которой он так долго грезил. А когда вернулся домой, Маша опять наготовила всего вкусного, и Ленка, с которой они уже познакомились и подружились, повисла у него на шее, покрывая его лицо поцелуями. А потом и дядька поднял рюмку, посмотрел на них, радостно возбуждённых и шумящих, постучал по хрусталу серебряным ножом и обратил взгляд на Марка.

– Ну что, Марик, я хочу тебя поздравить. Это большой день, новое хорошее начало. Очень жаль, что Наум не дожил, он тебя очень любил и порадовался бы. А сегодня я тебе как старший скажу. Мы, Цалихины, всегда идём к своей цели прямо и добиваемся её, будь то работа, – дядя помедлил, – или любимая женщина, – и он победно посмотрел на довольную Машу. – И тебе, племяш, я желаю продолжать наши Цалихинские традиции, уверен, что не подведёшь! Я горжусь, что у меня такие племянники, будущие врачи. И готовьтесь, ты и Миля, у вас работы будет невпроворот. У нас дел под завязку, а чтобы успеть коммунизм увидеть, нужно долго жить, а когда мы старенькие будем, всё одно нас лечить придётся. Вот тогда вы нам и пригодитесь! За тебя, Марик!

И дядя выпил залпом, а Марк поддержал, ведь не мальчишка же он, слава богу, водку пить научился, и здесь нет вздыхающей мамы. А потом закусывали и ещё выпивали, какой хороший был вечер. А Маша всё сновала на кухню, постоянно что-то подогревая и подавая к столу. Хорошо они тогда с дядькой приложились. Первую закончили и ещё половинку с прошлого раза. Да под Машины котлетки они бы ещё выпили, но у Маши брови полезли кверху. Вот тут уж не теряй момент, остановись вовремя, и никто не пострадает. Так дядька всегда говорил, с улыбкой посматривая в сторону жены.

В институте они тоже решили отметить начало учебного года в ближайшее воскресенье. Было ещё довольно тепло, они с группой встретились в парке у реки и организовали пикник, выложив на нескольких покрывалах принесённые из дома продукты. Стол получился небогатым, но сытным, никто голодным не остался. И выпивка была, правда, её постоянно прятали от проходящих мимо милиционеров, но пригубить успевали. Парни пили водку – самый мужской напиток, а девчонки креплёное вино. Марк всю балагурил, а другие парни его поддерживали. И Марк уже наметил было свою цель – высокую, с пышным белым крашеным волосом и коричневыми глазами, приятной наружности девушку. И он уже посылал в её сторону призывные взгляды, но пока их отталкивали, словно ударя ракеткой по мячику от пинг-понга. Но Марку ли сдаваться? Он будет вежлив и настойчив и добьётся своего. Молодые люди всегда понимают друг друга без слов. И Марк потихоньку всё придвигался и придвигался к ней, а она уже и не возражала. Марк знал, что её зовут Лариса. И Лариса уже несколько раз обращалась к нему по имени. Они оба словно бы пробовали, как звучат на слух их имена. И было празднично-приятно от всеобщего хорошего настроения и оттого, что он собирался немножко за ней поухаживать.

А потом кто-то кинул клич пойти на водную станцию и покататься на лодках. И идею тут же поддержали. Все желающие отправились осваивать речной транспорт. Хорошо, что у

Марка был с собой паспорт, оказалось, что без него взять лодку в прокат нельзя. И они поехали кататься. Марк сел на вёсла, ещё несколько человек расселись по скамейкам, Лариса – прямо напротив него. И он гнал лодку на глубину сильными и точными движениями. Грести он умел, и сейчас уверенно красовался перед Ларисой и другими однокурсниками. Они обогнали все остальные лодки и заплыли довольно далеко. Но пришлось поворачивать назад, потому что было уже небезопасно, там проходил путь больших прогулочных катеров. И Марк грёб к берегу, немного устав, но отказываясь от предложений поменять себя.

Он старался предстать перед противоположным полом во всей красе. Ради этого стоило постараться. И Марк знал, что выдержит. Было ради чего: как красиво напрягаются его мускулы, как заворожённо смотрит на них Лариса. Остальных он просто не замечал.

Они уже причалили к мосткам и собирались покинуть лодку, как до них докатилась сильная волна, отправленная на берег красавцем-пароходом, разрезающим волну почти в ста метрах от них. Там, на борту, играл оркестр и люди махали платочками, радуясь мирной жизни и выходному дню. Они радовались, а Марк как раз оторвал одну ногу от лодки, намереваясь перепрыгнуть на мостки, и... не удержавшись, спрыгнул в воду. Было неглубоко, немного выше колена, но теперь, чтобы не быть осмеянным, он должен был держать фасон. И он принялся делать вид, что специально спрыгнул, чтобы подавать руку покидающим лодку. Его трюк, конечно же, сразу раскусили. Но решили подыграть, жеманно принимая помощь. Уже все сошли, и осталась последняя, совсем неприметная светловолосая, с двумя простыми хвостиками девушка. Она вела себя тихо, и Марк почти не замечал её, но отметил, что она с удовольствием внемлет тому, что он говорит. Ну что ж, ещё один слушатель никогда не повредит. И он по-джентельменски протянул ей руку. Не мог же он бросить последнюю юную мисс! Ещё три секунды, и Марк присоединится к Ларисе, но отходящая от берега обратная волна спутала все планы, сильно качнув лодку. Всё, что он успел увидеть, – это летящую в воду девушку и себя, перехватившего её у самой воды. Лариса видела? Пусть глянет, какой он ловкий и сильный, а этот воробышек в его руках вдруг съёжился, ухватив его за шею и испуганно глядя в воду. Марк только повыше подкинул её, чтобы удобнее перехватить. А она вновь вцепилась в него, прижавшись, словно он был её отцом. И Марку вдруг захотелось её успокоить и вместо того, чтобы просто поставить на мосток, как он проделал это с остальными, понёс её прямо на берег. Лариса, увидев его с этой девочкой на руках, рассекающего волны, словно дядька Черномор, недовольно хмыкнула и отвернулась. Это её он должен был нести, а не эту вертихвостку. Он прилюдно обидел её и должен понести заслуженное наказание. Она знает себе цену! Лариса пошла прочь быстрым шагом, надеясь, что Марк сбросит с рук противную белобрысую прилипалу и бросится за ней. О! Ему придётся потрудиться, чтобы получить прощение. Это будет нелегко.

Но Марк вдруг ощутил, что он даже не смотрит вслед Ларисе. Что-то тёплое и такое живое трепетало в его больших руках, и он боялся спугнуть его. Как крадущаяся кошка боится спугнуть маленькую птичку, так и Марк почти не дышал, чтобы раньше времени не упустить этого воробышка со смешными детскими косичками. И воробышек не торопился спрыгивать вниз, ему тоже было тепло и уютно на груди утёса-великана. Может быть, она вспоминала своё детство, когда вот так же бережно отец нёс её на руках, а может, ей чудились Лермонтовские строки.

*Ночевала тучка золотая
На груди утёса великана*

И она была этой тучкой, а Марк был утёсом. Наконец Марк бережно поставил её на землю, и она соскользнула с него, коснувшись своей крохотной грудью его плеча. И тут же зарделась и поспешила убежать, но Марк попросил придержать его, пока он будет выливать из

ботинок воду. И ей ничего не осталось делать, как подставить своё хрупкое плечо, на которое Марк бережно опирался, чувствуя под рукой её тепло. Все разошлись, и они остались вдвоём. Он уже знал, что её зовут Ольга, Оля, Оленька. Он ещё не решил, как к ней обращаться, чтобы во всей полноте продемонстрировать свои навыки соблазнения. Но потом решил, что не стоит зажигать в ней лучик надежды, всё равно он подружится с Ларисой, никуда она не денется, в их группе у него нет конкурентов, а из девушек она нравится ему больше всех. Значит, как сказал пару дней назад дядя, Цалихины идут к цели прямо, не сворачивая. И он не свернёт, просто побудет джентельменом и даже немного проводит этого полуробёнка.

И они вдвоем дошли до того места, где их пути должны были разойтись, но почему-то Марк обнаружил себя и дальше идущим рядом с Ольгой. Она почти ничего не говорила, зато Марк вошёл в раж и без конца рассказывал ей о Ленинграде, какой это сказочный город, с разводными мостами и белыми ночами. Ольга внимательно слушала, восхищенно охая именно в тех местах, где Марку и хотелось услышать её реакцию. И Марк поймал себя на мысли, что ему приятно ей всё это рассказывать. И они дошли до небольшого домика, где Ольга снимала комнату. И вдруг она пригласила его зайти на чашку чая, заботясь, чтобы он не простудился, столько отшагав с мокрыми ногами. Хозяйка до вечера отсутствует, и дома больше никого. Марк подумал секунду, вспомнил Ларисины зовущие глаза, и ему захотелось отомстить ей за то, что ушла. Ведь если Марк определил цель, то он и будет её добиваться, не отклоняясь от курса. А чай... разве чай является изменой? Разве его сокурсница не может заботиться о его здоровье, как простая. Марк усиленно подбирал слово... ах, да, комсомолка! Они просто два комсомольца. Из которых один с мокрыми ногами, а второй будет поить его чаем. Это даже интересно, и Марк согласился. Он потом расскажет Ларисе какое было варенье.

Но его угостили не вареньем, а вкуснейшим пирогом, который собственноручно был испечён Ольгой. И Марк налетел на пирог, запивая его горячим чаем и продолжая рассказывать о Ленинграде. Ольга зачарованно смотрела ему в рот, подливая чай и нарезая пирог. Марк остановился только тогда, когда увидел, что Ольге больше нечего накрывать полотенцем. На том месте, где ещё двадцать минут назад был пирог, теперь лежала горстка крошек. Марку стало стыдно, и он, несмотря на все отнекивания Ольги, торжественно объявил, что в следующее воскресенье приглашает её в кафе, где угостит пирожными и какао. На этом они и расстались.

Потом в аудитории Марк обратил внимание, что, перекидываясь взглядами с Ларисой и даже улыбаясь ей, он ищет Ольгу и успокаивается лишь тогда, когда его взгляд выплывает два белых хвостика. Она не крутила головой в поисках Марка, скромно здоровалась и проskalзывала в аудиторию. Может быть, ей и хотелось заговорить с Марком, но видя, как он обхаживает Ларису, и понимая, что ей не конкурентка, девушка просто поняла своё место. Разумеется, они перекинулись парой фраз, Марк спросил, было ли у неё что поесть после того, как он уничтожил пирог, а она узнала, как он дошёл в мокрых ботинках. Но в субботу, после последней пары, она неожиданно увидела перед собой Марка. Она была уверена, что он тогда сказал ей про кафе просто чтобы сгладить неловкость. Но он стоял перед ней, высокий и красивый, и ждал ответа. И Ольга уже почти сказала ему «нет», но почему-то услышала «да». Как такое могло произойти, ведь она точно говорила нет. Она хотела поправиться и извиниться за ошибку, но он сказал: «В двенадцать!» – и ушёл. Как у него всё просто, даже не спросил, подходит ли ей. И что ей теперь делать? И столько задали учить, нет, конечно же, она не сможет пойти. Она извинится и никуда не пойдёт, а потом сядет готовиться, ведь она для этого и приехала в Саратов.

Но когда Марк пришёл в воскресенье к двенадцати, она уже была готова. Марк отметил, что она совсем не следит за модой. Такие туфли сейчас не носят, но потом подумал, что не всё ли ему равно, что на ней надето, ведь это последний раз, когда он с ней гуляет. Просто рассчитается за пирог и всё. Она ему совсем не нравится, хотя фигура у неё хорошая и платье

с васильками хорошо подходит к её глазам. И они опять говорили про Ленинград, Марк тараторил, не замолкая ни на минуту, а она, не перебивая, слушала его. Марк купил пирожные, но заявил, что Ольгин пирог намного вкуснее. А когда получил приглашение на следующее воскресенье на пирог, но только с другой начинкой, не нашёлся, что сказать, и принял его. И в следующее воскресенье, сидя у Ольги, они опять говорили о Ленинграде. И Ольга опять слушала, не сводя с него глаз, ведь она за всю свою жизнь никуда не выезжала дальше Саратова. Сама она из немецких колонистов, её фамилия Готлиб, что обозначает «любимый богом».

А теперь уже слушал Марк. Оказалось, что вокруг Саратова много немецких посёлков, и немцев в Россию пригласила императрица Екатерина, которая сама была из немцев. Они полностью обрусевшие, но по-немецки она понимает, потому что её родители дома говорили исключительно на своём родном языке. Они – последнее поколение, говорящее по-немецки, а Ольга и все дети их семьи учились и говорили уже только по-русски. Раньше её семья жила хорошо и зажиточно, но потом их загнали в колхозы. Так и сказала, загнали, словно советская власть только себе хотела сделать хорошо. Ведь в колхозах намного лучше, во всех газетах писали, как поднялись удои и как теперь сообща людям легче обрабатывать землю.

Но то, что он услышал от Ольги, было настолько невероятным, что он даже не поверил. С её слов получалось, что советская власть никак не для трудящихся. Это плохая власть убийц и воров. У них всё отняли, потом, при НЭПе, они снова чуть-чуть вздохнули, и их снова ограбили, а пару лет назад ещё и сослали её деда, потому что он был пастором, ну, это как поп в церкви.

Марк с трудом жевал пирог. Какая антисоветчина! Уйти отсюда и больше не иметь с этой девицей-подростком никаких дел. Он только запьёт пирог чаем, потому что немного сушит рот. Вот он запил и сейчас скажет, но почему его рот чем-то занят? Неужели Ольга его целует? Сумасшедший воробышек... Ну не может же он оттолкнуть девушку. Это будет совсем не поджентельменски. И потом... кажется, Марку самому это нравится. На секунду они оторвались друг от друга, Ольга виновато взглянула на него и вновь утонула в его объятиях. Больше не было Ларисы, и пирога тоже больше не было. И ходики, тикавшие на стене, куда-то исчезли. И исчез яркий дневной свет. Это Ольга, задёрнув занавески, увлекла его в спальню. Если честно, то Ольга и сама не понимала, что и зачем она делает. Это было неправильно и против всех законов её веры. Но верила ли она? Немножко, только из уважения к своим родителям, а вообще, медик не может верить в бога. Вот при них проводили вскрытие, но никакая душа из тела не вылетела. Чувшь это всё, бога нет. А что есть? Есть Марк, он такой большой и добрый, нёс её из лодки до берега на руках. Но ведь не за это же она рассчитывается! Нет! Но тогда что она делает? Понимает ли она сама, что с ней происходит? Будет ли она об этом жалеть?

У Ольги не было ответов на эти вопросы, она не знала и не хотела знать, что с ней происходит. Какой-то биологический механизм включился помимо её воли, отключив защиту. Она вдыхала запах кожи Марка и сходила с ума. А когда он проводил рукой по её волосам, она превращалась в кошку, готовую тереться о ноги хозяина, лишь бы он не прекращал её гладить. Она не узнавала саму себя. Больше не было прежней провинциальной девочки, она умерла минуту назад. Она была змеей, скинувшей старую кожу. И теперь, облачившись в свой новый костюм, она извивалась и скользила, ведь так делают змеи?

А Марк был удивлён обрушившемуся на него взрыву страстей. Было ясно, что она девственница, но у Марка не было ни единого шанса выйти отсюда, не сделав из неё женщину. Ничто не могло оторвать их друг от друга.

А когда Марк приступил к работе киномеханика и принёс в свою будку старенький матрас, Ольга принесла чистую простыню. И тогда они стали встречаться чаще, и время летело незаметно. И теперь Марк не понимал, как он сразу не разглядел её и мог строить глазки Ларисе. Ему не мешало, что она немка, ну и что? Ведь она не фашистка и совсем не поддерживает то, что творится в Германии. Она такой же советский человек, как и он сам. Он ведь

тоже не русский. Когда она узнала, что он еврей, то сначала даже не поверила, т. к. представляла себе евреев совсем другими. И ей тоже было всё равно, кто он, главным было то, что они должны быть вместе. Это не вызывало никаких сомнений, потому что это была любовь. То, что они принадлежали к разным народам, тоже не имело никакого значения, в их стране все национальности равны, и пора уже отменить навсегда все национальные предрассудки.

А потом всё резко изменилось. Ночью позвонили в дверь, Марк слышал лёгкие шаги и понял, что Маша идёт открывать. А потом негромкий вскрик и топот сапог. Марк вскочил, собираясь броситься на помощь Маше, но, распахнув дверь своей комнаты, неожиданно увидел трёх человек в форме ОГПУ и двух соседей. Перед ними стоял бледный Евсей и что-то бормотал. Марк так и не смог вспомнить, что он говорил. Зато то, что говорил старший ОГПУшник, он хорошо запомнил. Дядя подозревается в связях с троцкистами, и ему предлагается сдать огнестрельное оружие, валюту и запрещённую литературу. Марк просто задохнулся. Да какой же его дядя враг? Какой из него троцкист? Какая валюта? А из оружия только удочки и кухонные ножи.

Они перевернули всё, включая комнату Марка. Разумеется, ничего не нашли. Взяли какие-то старые письма и несколько фотографий. Соседи-понятые поставили свои подписи и ушли, а Маша, сразу постаревшая на несколько лет, растрёпанная, в халате, застёгнутом со сбоем ряда (одна пуговица была пропущена, и теперь он сидел на ней немножко наискосок), держала в руках небольшой чемоданчик, сложив в него пару смен белья, мыло, зубной порошок, шарф. Что ещё дают с собой? Она смотрела на ОГПУшников, ничего не спрашивая, уже давно из домов их знакомых уводили по ночам людей. Маша только пыталась сообразить, что же ещё положить для Евсея. Ну конечно, тапочки! Его любимые тапочки, как же он будет ходить в тюрьме, ведь это же не улица. И пижаму? Надо ли пижаму? В чём он будет спать? А может быть, дать с собой подушку и одеяло, это было бы кстати.

Она всё стояла и смотрела на Евсея, словно прощаясь с ним навсегда. Ему дали три минуты проститься с дочерью и женой. Он вынул из кровати сонную Ленку в майке и трусиках и поцеловал её в лоб, глаза, уши, голову, руки. А Ленка, не понимая спросонья, чего от неё хотят, слабо отбивалась от него своими тоненькими руками. А потом, увидев Марка, протянула руки к нему и скользнула в его объятия, моментально снова заснув. А Маша только слегка обняла Евсея, боясь расплакаться, а потом оттолкнула его от себя, словно бы говоря, всё, пора, и замерла, провожая его глазами до того момента, пока не захлопнулась дверь. А потом они стояли у окна, глядя, как в отступающих сумерках Евсей садится в машину, и она выезжает со двора.

И тогда Маша бросилась к телефону со словами:

– Я сейчас позвоню... это недоразумение... я этого так не оставлю.

А после сникла, поняв, что все звонки бесполезны, и сползла на стул, держа в руке продолжающую гудеть трубку. Её лицо покраснело от слёз, они струились по щекам, затекая в рот и капая на халат, но она ничего не замечала, а только раскачивалась на стуле, так же, как евреи раскачиваются, читая свои молитвы. Может быть, она читала поминальный Кадиш по своему Евсею, хотя вряд ли, женщинам запрещено читать эту молитву. Она шептала что-то своё, и Марк не решился подойти, вынуть из её рук телефонную трубку.

Вскоре пришло предписание освободить квартиру, семье врага народа не полагалась более милость советского государства. Маша с Ленкой переехали в районный центр, к Машиным родственникам, а Марк попросил место в общежитии. Ольга всё время была рядом, безмолвно угадывая все его желания. Она не отходила от Марка ни на шаг, только однажды, то ли соскучившись по своим, то ли желая отвлечь Марка от произошедшего, пригласила его съездить в посёлок и познакомиться с её родными. Марку было всё равно. И так понятно, что у них с Ольгой это навсегда и ничто не может их разлучить, но жениться сейчас, особенно после ареста дяди, он не собирался. Это было ясно и Ольге, но она о свадьбе даже не заикалась. И

они просто съездили, и Марк впервые в жизни увидел, как живут немцы-колонисты. Приятно удивили ухоженные домики и чистота на улице. Люди были вежливы, но немного сторонились чужака. Марк так и не составил какого-то определённого мнения о них – слишком мало времени пробыл в поселке.

Но ведь говорят, коль пришла беда, отворяй ворота. И в один из дней, когда всё понемногу наладилось, и они продолжали учиться и встречаться в его будке киномеханика, Ольга сказала, что ей нужно срочно уехать домой. В этот раз она поедет одна, он не должен волноваться, она вернётся через три дня.

Больше Ольгу Марк не увидел, она пропала. Немного позже он узнал, что всех немцев выселили как якобы помогающих немецким национал-социалистам организовать шпионскую сеть и вести подрывную работу против советской власти. Марк представил Ольгу и Евсея, стоящих рядом со связками гранат. Они оба будут подрывать устои советской власти? Да что за бред! Он решительно в это не верил. Но многочисленные примеры из газет, где рассказывалось, как искусно некоторые люди обманывали свои семьи, занимаясь подрывной деятельностью, понемногу сделали своё дело, и если не уверили Марка, то семена подозрения были посеяны. А вдруг дядька и вправду..? Нет, не может быть, но всё же.

Глава 5

Собрание. Институт

Аудитория волновалась и раскачивалась, говорил парторг института, т. Кожников.

– И вот, таким образом, товарищи, что мы имеем? По всей стране поднимают головы антисоветские элементы. Им, видите ли не нравится, что трудящиеся сами могут определять свою судьбу, идти по пути прогресса и развития, помогать дружественным режимам в разных странах, чтобы приблизить день, когда трудящиеся всего мира смогут взяться за руки под руководством одной единственной силы, которую до ужаса боятся империалисты всех мастей! Под руководством коммунистической партии и её гениального вождя Иосифа Виссарионовича Сталина!

Вся аудитория немедленно поднялась в едином порыве, и гром аплодисментов несколько минут разносился по корпусу, резонируя на всех этажах. Как же всё-таки здорово, что у нас такая мощная и дружная страна, с ней хочешь-не хочешь, а вынуждена считаться всякая шваль, которая только и ждёт, чтоб уничтожить советскую власть, единственную истинно народную и самую справедливую! Марк с удовольствием аплодировал докладчику. Какой молодец, недаром парторг, там, наверху, знают, конечно, кого назначать! А он, Марк, смог бы вот также выступить и разбить всех классовых врагов? Хотелось бы верить, что смог бы, но если совсем честно, то сам Марк не уверен. Ну и пусть он не такой уж хороший докладчик, но зато он чётко идёт в ногу с партией. Всё, что говорит Кожников, каждое слово, находит отклик в его сердце.

– Садитесь, садитесь, товарищи. Нам нужно продолжить собрание. Я очень рад, что в нашем институте нет такой сволочи, которую нужно выжигать калёным железом. Именно тем железом, товарищи, которым эта сволочь пытается уничтожить советскую власть, саботируя везде, где только можно, и вредя там, куда достают подлые ручонки недобитых вредителей. Но наши органы не дремлют! Под руководством мудрого товарища Сталина и его верного помощника товарища Ежова идёт чистка наших рядов. Можно сказать, идёт борьба не на жизнь, а на смерть. Только не знает враг, что нет у него ни одного шанса, пока есть у нас вот такие молодые сердца, которые стучат в унисон с сердцем нашей партии, любимым вождём и учителем, верным ленинцем, товарищем Сталиным!

Марку показалось, что он вскочил первым, ну если не первым, то одним из первых. Какие слова! Прямо в душу, прямо в сердце! Как, скажите, как можно было жить сто, двести, триста лет тому назад, когда забитое человечество вообще не знало таких слов, как свобода, равенство, братство, когда не было таких великих людей, как Ленин и Сталин? Был, конечно, Робеспьер, но разве это тот же масштаб? Никогда в мире не было личностей, схожих по масштабу даже отдалённо. Марк повёл головой влево, а потом вправо. Молодцы! Все, все до единого не жалеют ладоней, даже деревенский говнюк с необычной фамилией Щипак, неоднократно высказывавший своё недовольство Марком лишь на том основании, что он еврей. И никакие доводы на него не действовали, упёрся как бык, мол, Троцкий тоже еврей, а он против Сталина. Что ж теперь, как еврей, так обязательно друг Троцкого? Пусть ещё припомнит, что евреи Христа распяли. Вот обмолвился бы он об этом здесь, в институте, вот тогда бы Марк с удовольствием посмотрел, как снимают с него стружку на комсомольском собрании за веру в бога. И вообще, жаль, что в комсомол берут всех без разбора, уж этого говнюка точно не следовало бы принимать. Но даже если и так, всё равно, есть у них что-то объединяющее. Ведь и Ленин и Сталин для них обоих как отцы родные, нет, даже ближе, хотя куда уж ближе! Это что ж, выходит, Щипак ему брат? Нет, конечно, таких братьев нам не надо. И тут у Марка засосало под ложечкой, и он позавидовал деревенскому придурку Щипаку. У него поди анкета наичистейшая, из сельской бедноты, такие за советскую власть руками и ногами, кто б ему дал

учиться на врача, этому тупице, если б не происхождение? Ведь ни по одному предмету не имеет сколько-нибудь нормальных оценок, но в этот момент Марк чувствовал к нему острую зависть. Нет, не к оценкам этого тупицы, а к его безупречному происхождению. Чувствовал Марк за собой грешок, оттого неуютно становилось ему моментами. Вон, они все хлопают от чистого сердца, а у него как камень внутри. И не признаться никому, никто не поймёт, да и кому можно рассказать, что двоюродный брат Марка и его дядя арестованы как раз по обвинению именно в такой деятельности, в которой Кожников и обвиняет всех этих антинародных негодяев. Нехорошо получается, а всплыви правда, так что Марку сказать, что, мол, не знал? Нет, дорогой товарищ, Марк, «не знал» – здесь это не проходит. За своё «не знал» будь добр положить комсомольский билет на стол и вот тебе вместо него волчий. А с волчьим билетом тебе только на какую-нибудь Колыму киркой да лопатой махать на великих стройках, кто ж тебя теперь к медицине подпустит? Вот доведись тебе, скажем, лечить первого секретаря райкома или его зама, а товарища Сталина тебе всё равно никто не доверит, так можно ли быть уверенным за его здоровье и правильность лечения, назначенного им, Марком Цалихиным, у которого двоюродный брат и дядя – враги народа? Нет, никак нельзя быть уверенным, он бы и сам на месте компетентных органов не подпустил бы такого доктора-вредителя не то что к секретарю райкома, а ни к одному нормальному советскому человеку, ну, кроме, разве что, Щипака.

И снова все присели, и зал никак не мог успокоиться. Не в бровь, а в глаз бьёт товарищ Кожников! Каждое слово – гвоздь в гроб врагов советской власти! И вновь подленький червячок зашевелился в груди, должен ли он после собрания пойти и рассказать в парторганизации о своих непутёвых брате и о дяде? Пусть партия решит, что с ним делать, не с братом и дядей, теми органы занимаются, а с ним, с Марком, пусть дадут ему любое задание, пусть проверяют его как считают нужным. Он докажет, что нет у партии и лично товарища Сталина никого вернее. Решено: молчать более он не имеет никакого права, иначе его самого можно будет обвинить во вражеских настроениях и намерениях. Итак, путь намечен, обидно, конечно, Марк представил, как на него будут смотреть остальные студенты и говнюк Щипак, то-то у того будет радости. Марк даже услышал, как Щипак произносит со своим деревенским произношением, что вот, мол, товарищи, не ошибся своим классовым чутьём Щипак, раскусил он врага и сделал это раньше всех. Неужели Марку придётся доставить ему такое удовольствие? Неужели он менее верен партии, чем тот же Щипак или кто другой? Как стыдно будет перед ребятами, хотя в чём он виноват? Мишка вообще старше на сколько! Ему сейчас тридцать три, а Марку двадцать два, что между ними общего, кроме нескольких встреч за общим праздничным столом? Да и вообще, Мишка на него и внимания толком не обращал по причине молодости. А в последнее время они и не виделись вовсе, а уж о политике сроду не говорили. Так и его семья ни в чём таком замечена не была, если б было что, то наверняка он бы краем уха услышал. Плохо, что фамилия у них одна, будь разные, то отмолчался бы, авось и пронесло бы.

Ох уж этот авось, как пронесёт – костей не соберёшь. Нет, еврею русский авось никак не подходит, здесь наверняка нужно. Для начала он разоружится перед партией.

– И, как я уже говорил, товарищи, наш славный нарком, товарищ Ежов, железной рукой в ежовой рукавице вычищает всю нечисть оттуда, где она затаилась. Можете верить моему слову коммуниста, скоро в нашей стране не останется ни одного уголочка, где сможет утаиться от справедливого возмездия антисоветская сволочь!

В это раз аплодировали уже сидя, устали вставать, да и имя великого Сталина произнесено не было. А товарищ Ежов, хоть и наш в доску, но всё же не товарищ Сталин, чтобы вскакивать всякий раз. Уже просклоняли и осудили Зиновьева с Каменевым, Радека с Пятаковым, а собрание всё не заканчивалось. Ну вот парторг высказал линию партии по Кемеровскому делу, призвал всех разоружиться и пригрозил всевозможными карами недобитым врагам, пообещав, что партия доберётся до каждого и никто не сумеет укрыться от её всепроникающего ока и

длинной руки пролетарского правосудия. Марк сжался, скоро вычислят и вычистят. Он представил собрание, на котором ему задают вопросы.

– Как вы посмели, бывший комсомолец Цалихин, утаить от партии, что вы являетесь родственником арестованных врагов народа?

– Вам ведь было известно, Цалихин, что ваши родственники были арестованы?

– Скажите, Цалихин, сколько времени вы собирались обманывать партию и лично товарища Сталина?

– Я же говорил, он друг Троцкого! Евреи все такие!

Марк сжался, картина собрания так реально возникла перед ним, и ему стало так жаль себя, такого молодого, подающего надежды, будущего врача. Он собирался дожить до коммунизма и мировой революции, а его могут просто записать во враги народа и... тут ему сделалось совсем нехорошо, – могут даже расстрелять.

– Так вот, дорогие мои строители коммунизма, верные ленинцы-сталинцы, я хочу спросить у вас, какого наказания заслуживают наши враги? Имеем ли мы право в такой тяжёлый для страны момент проявлять снисхождение к тем, кто хочет задушить молодую советскую власть, думая, что она временная? Ан нет, власть эта народная, силой отобранная у врагов, обильно политая кровью тех, кому, к сожалению, уже не придётся увидеть восход новой коммунистической эры во всём мире. И лично мне, товарищи, очень больно, когда я вспоминаю верных борцов за наше дело, что бы они сказали, имеем мы право на жалость? А, товарищи? Ответьте мне!

– Не-е-ет!

– Не имеем!

И опять задрожал старенький институтский корпус от дружных возгласов. И завибрировали стёкла в аудитории, да как ещё не повывлетали. А осколки неразбитых стёкол уже у Марка в сердце. И как будущий врач он точно знает, что не выжить ему с такими ранами. Всю душу Мишка и дядя Евсей ему изрезали! Ну куда их потянуло и зачем? Ведь происхождение у них у всех самое что ни на есть пролетарское, живи при нынешней власти да радуйся, тут тебе и учёба за государственный счёт, когда такое было, чтоб еврей в Государстве Российском при царе мог бесплатно высшее образование получить? Ну рассказывали ему про самородков, которых даже при царе брали на обучение, да только тогда их единицы были, а сейчас вон их сколько. Вон и Гуревич, и Либерзон, Шапира, Дольский, Дворкин, Эдельман, Кемельмахер да ещё куча. Всех и не пересчитать, эх, Мишка, ох, дядя Евсей, что же вы наделали, так подвели.

– Так что товарищи, какой приговор мы потребуем для этих негодяев, посягнувших на наш строй? А, товарищи?

И сначала разрозненные, а потом всё крепнущие голоса раз за разом в унисон кричали:

– Смерть! Смерть! Смерть! Смерть!

И Марк тоже кричал. И так же делал взмах рукой со сжатым кулаком, как и все, требуя справедливого возмездия для врагов. Но что-то уже оборвалось в груди, и взмах уже не был самым резким, и кричал он недостаточно громко. Марк тут же спохватился, что он скажет после собрания в парткоме, если любой наблюдающий за ним сейчас (а они стоят и наблюдают, там и ректор, и проректор, и завкафедрами, никто не может остаться в стороне от классовой борьбы) сможет сказать, что он вёл себя самым преступным образом, недостаточно выступая против врагов. О какой участи для себя он может думать при таком поведении?

– Смерть! Смерть! Смерть! Смерть!

Да, точно, его тоже следует арестовать и судить. За малодушие, за предательство интересов всего советского народа. Как жаль, завтра в поход, под знамёна партии, все выступят, даже Щипак, а он как заклятый враг останется дома. Да хорошо б, если дома, наверняка посадят в тюрьму, да и есть за что.

– Спасибо, товарищи студенты! Я с большой гордостью доложу нашим старшим товарищам из областного комитета партии, а также руководителям наших доблестных органов о вашей всеобъемлющей поддержке! Низкий поклон вам от меня, от всех наших товарищей, что день и ночь бьются с притаившимся врагом. Я надеюсь, что кто-нибудь из наших вышестоящих товарищей сможет доложить самому товарищу Сталину о том, что весь медицинский институт поддерживает его в борьбе против врагов!

И снова все поднялись при упоминании самого священного для всех советских людей имени. И снова все в едином порыве. И только он, Марк, чувствует себя неуютно, неужели ему предстоит стать чужим для всех этих людей? Да, он принял единственное верное решение, он не может больше быть в стороне от классовой борьбы. Он идёт в партком и всё рассказывает.

Закончилось собрание, все потянулись к выходу, Марк замер, вот сейчас момент истины. Кто он, затаившийся враг или честный комсомолец, хватит ли у него духу сделать то, о чём он сейчас думал? И должен ли он отречься от Мишки и дяди Евсея? Нет, нужно спросить себя по-другому, есть ли хоть кто-то на свете, кого он, Марк Цалихин, не готов принести в жертву за святые идеалы всемирной революции? Марк мысленно перебрал всех ближайших родственников. Как хочется взять их всех в светлое будущее, но если партия потребует, он должен будет без колебаний сделать выбор. А разве он его ещё не сделал? Ведь он уже берёт свой портфель и идёт, ну же, враг, бери портфель, бери, бери, бери! Вот, взял, а почему ноги как ватные, ведь воронок ещё не стоит у корпуса, поджидая его. Ведь он сам, добровольно, ведь это должны зачесть, они не имеют права не зачесть! Шаг, ещё шаг, как тяжело даётся путь к личной духовной свободе, к правде, но он обязан всё пройти до конца, это его крест. Вот ещё пару шагов, вот сейчас, парторг освободится, и Марк ему всё расскажет. Хорошо бы, конечно, чтобы все эти подпевалы, что вечно лезут в любую щель, чтобы только высунуться оттуда и показать свою значимость, наконец отлипли и они смогли поговорить с глазу на глаз. Парторг – мужик что надо, он должен понять и помочь. А, собственно, какой помощи Марк ждёт от него? И в ушах зазвенело противное: «Смерть! Смерть! Смерть!» И Марк представил парторга на трибуне и себя, стоящего под охраной, связанного верёвками, а конец обязательно будет в руках у Щипака – тот уж его не упустит.

Марк подошёл и прислушался.

– Скажите, Григорий Фёдорович, а как быть, если органы арестовали человека, а он оказался невиновным?

– Ну, во-первых, товарищи, кто-нибудь ещё сомневается, что наши органы могут арестовать невиновного? А во-вторых, у нас в стране верховенство закона. Последнюю точку ставит в обвинении суд. То есть теоретически, пока суд не сказал своё слово, человека нельзя назвать виновным.

– Даже если он арестован и уже несколько месяцев под следствием?

– Разумеется.

– И если он окажется невиновным. Ну... чисто теоретически, его могут освободить и снять все обвинения?

– Конечно. Цалихин, что это у вас за нездоровые вопросы? Давайте лучше помогите отнести в мой кабинет портреты вождей. Кто ещё поможет?

Марку достался портрет товарища Ежова. Хорошо бы портрет товарища Сталина нести, но там и ответственность огромная. Стоит оступиться и уронить портрет, так тебе уже и родство с арестованным детским лепетом покажется. Вот если, скажем, уронить портрет товарища Ежова, тоже неприятностей не оберёшься, но хотя бы разумный срок можно получить, а за товарища Сталина дадут в три, нет, в пять раз больше! Повезло, не споткнулся, донёс, держит портрет, словно не решаясь поставить, задержался. Вот сейчас, уже все вышли, и они один на один с парторгом. Ну же, Марк, не будь размазнёй, признавайся! В чём, в чём признаваться, если парторг сам сказал, что последнюю точку ставит суд? А разве Мишку уже осудили? Нет,

конечно, он бы знал, а значит, ещё могут оправдать по суду и отпустить. Да и Марк не верит, что Мишка мог куда-то вляпаться, его отпустят, да, конечно же, его отпустят. Мозг лихорадочно придумывал оправдания и для Мишки, которого следовало отпустить, и для Марка, которому не хотелось ни в чём признаваться парторгу. Он был готов признаться, но парторг сам виноват, ведь это же он сказал, что только суд ставит последнюю точку. Был ещё дядя Евсей, которого уже осудили, но Марк вдруг перехотел признаваться.

– Ну, что у вас, Цалихин, вы хотели что-то спросить?

– Да. То есть нет, вот портрет товарища Ежова, куда поставить?

– Да прислоните уже к столу, экий вы несообразительный. Вы же советский студент, так будьте уверенней в себе, действуйте! Поняли мою мысль?

– Да.

– Ну вот и идите, завтра на занятия не опаздывайте. До свидания.

– До свидания.

Не сказал, боже, какой же он трус! Трус! Трус! Трус! Он достоин презрения всех советских людей! Он предал партию, Ленина, Сталина, он враг! Стоп, какой же он враг, если парторг сам сказал, что до суда человек невиновен? Так кого же он предал? А никого, потому что Мишка не может быть врагом, максимум – может заблуждаться по какому-нибудь вопросу. Может, он запутался по вопросу промпартии или ещё по какому? Жаль, что не обратился к Марку, Марк бы ему все положения разжевал и представил бы все выкладки со всех решений в лучшем виде. Ну и что, что он младше, это ведь не означает глупее, он ведь сейчас всё это учит не меньше чем саму медицину. Ведь невозможно представить хорошего врача, не владеющего основами марксизма-ленинизма и не знакомого с трудами товарища Сталина. Такой врач, без знаний, тех ещё дел натворит, Марк бы и сам такого не подпустил к больным. Это всё равно, что взять пещерного человека с его установками и дать ему людей лечить.

Марк всё ещё ощущал мелкую дрожь в ногах, и противный червячок не покинул его грудь, но на улице он вздохнул уже свободней, а отойдя от института на километр, уже почувствовал, что нависшая было над ним беда потихоньку начала рассасываться. Он уже начал верить в то, что поступил правильно, не поторопившись рассказать в парткоме о Мишке и дяде Евсее. А если что, то он так и скажет, что, мол, хотел признаться, да парторг сам сказал, что до суда человек невиновен. Мысль о том, что можно будет перевести стрелки на парторга, хоть и была не самой красивой, давала Марку передышку в принятии решения, а сам себе он врать не мог. Признаваться ему никак не хотелось. Приняв окончательное решение не признаваться, Марк с облегчением зашагал прочь быстрыми шагами, энергично размахивая портфелем в такт ходьбе.

Всё, прочь все плохие мысли, он не признался в том, в чём и не должен был, его личная совесть чиста перед партией и народом! Нужно сосредоточиться на учёбе, это сейчас самое важное. Он будет лучшим, и никто не посмеет подумать, что у него что-то нечисто. Скоро годовщина Октябрьской Революции, и он пойдёт со всеми вместе в колонне, и они все вместе будут кричать «ура», проходя перед трибунами. Хорошо, что их уже не гонят на репетиции, как первокурсников. Нужно будет позаботиться о том, как бы подстойней и повеселей отметить праздник после демонстрации. И желательно отметить его вместе с девушками. И необязательно приглашать только своих однокурсниц, есть симпатичные и помладше и постарше. А несимпатичных и вовсе приглашать не стоит, какой с них толк? Правда, учиться вместе с ними племянница ректора, ужасна до безобразия, но кто ж посмеет не пригласить Томочку, кому хочется иметь проблемы с экзаменами или вообще вылететь? Да и девка Томка неплохая, умеет перед дядей словечко замолвить. Но Марку-то что, он учиться хорошо, пусть другие перед ней стелются. Ему бы к Ирочке Верниковой подкатить, вот это было бы дело. Да только пустой номер, Ирочка нарасхват. Ну ещё бы, красавица! Господи, он как вспомнит её серые глаза, обрамлённые нежными пушистыми ресницами, слегка вздёрнутый кверху носик, ямочки на

щёчках – умереть от умиления! Но Ирка всю пользуется своей внешностью, говорили даже, что и с парторгом она того. Но кто поверит, Ирка молоденькая, а парторг больше чем вдвое старше. Правда, Ирка учится неважно, но не отчисляют её, да и оценки все вовремя выставлены и даже стипендию получает, хотя Ольгу Нечаеву лишили за неуспеваемость, а она лучше Ирки учится. Нет, мечту об Ирке придётся оставить, не по зубам. И так чуть на разговор с парторгом не нарвался, а из-за Ирки, если правду говорят, он его и без органов со свету сживёт. Может быть, в очередной раз помириться с Ларисой? Она же всегда его прощала. Что ж, очень может быть, что он так и сделает.

Месяц до праздника пролетел за учёбой и разными организационными делами по комсомольской линии. Да и с парторгом за это время Марк пересекался, здоровались, пару раз он Марку даже руку пожал. Рука у парторга солидная, ладонь большая, крепкая, как и должна быть у старого большевика, не то что у профессоров, чьи руки тяжёлого труда не видели и пашкой не орудовали. Мягкие дряблые руки интеллигенции, такие медицине научат, а вот воевать за революцию уже нет, силёнок не хватит. Какой всё-таки классный праздник, годовщина революции! Всё красным расцвечено, народ весь улыбается. Ещё бы, все уже приняли по соточке для настроения и ждут окончания демонстрации, чтоб отметить как следует. Даже студенты уже приложились, Марк тоже выпил пару рюмок вина, зажевал куском булки. Повеселело, и даже некрасивая Тамарка, ректорская племянница, похорошела в его глазах. Даже мелькнула шальная мысль, а если. И тут же отогнал от себя, хотя, конечно, в таком случае и работа на кафедре была бы обеспечена, и квартиру или хотя бы комнату от института дали бы. Но нет, этак каждый день пить придётся, но улыбнуться ей – почему бы и нет, ведь сегодня праздник для всех, и для него, и для Томки. Мишка арестованный только как сейчас празднует? Жалко парня, но сегодня праздник, а стало быть, вон дурные мысли. К тому же договорились встретиться у Томки дома, будет весело, компания собирается большая и весёлая. А если ещё заглянет сам ректор и запомнит, кто у его племянницы в гостях был, а следовательно, и в друзьях состоит, то лучшей встречи праздника и не нужно. А сегодня профессора хоть и не пьют со студентами, но и замечаний особых не делают. Да и что сказать студенту, который за годовщину революции выпил?

Ну всё, тронулась колонна, подняли плакаты и портреты. Оркестр звучит, так и хочется маршировать под него, да не просто маршировать, а где-нибудь в освобождённой Испании или Германии, да не просто так, а чтоб местное население приветствовало и вином угощало. Ничего, придёт час, не такие мы люди, чтоб братьев своих рабочих по всему миру бросать не произвол судьбы! Мы советские люди, а значит, до последней капли крови, желательно, конечно, не своей. Ой, что-то мысли путаются, видно, третья рюмка была немного преждевременной.

– А? Что? Вы мне?

– Да, Цалихин, вам! Поднимите уже свой край транспаранта! Скоро мимо трибун пойдём, вы что, хотите, чтоб там обратили внимание, кто криво несёт?

– Сейчас сделаем! Так ровно?

– Ровно, только не опускайте! Стыдно должно быть, комсомолец, а уже нализились с утра пораньше!

– Так я что, праздник же, сегодня трезвых быть не должно! Кто за революцию не пьёт, тот, ой, извините, профессор, вы ведь не пьёте, тот... ну да, тот за революцию ест!

– Цалихин, вы бы придержали язык!

– Всё молчу, молчу. Нет, извините, не молчу. Ура-а-а-а!

И все вместе подхватили и тянули сколько могли. Да и как тут не тянуть, ведь приветствовали студентов и преподавателей мединститута от имени партии, правительства и лично товарища Сталина! Ура-а-а-а! Всё, прошли своё, теперь сдать реквизит – и на гулянку! Ого, что это там позади? Ничего себе! Видали? Вот это молодцы, кто это за нами шёл, завод «Гид-

ропресс»? Вот это выдали! Поезд из кумача, а на переднем плане портрет товарища Ежова. И правильно, товарищ Ежов – один из главных партийцев, с террором против советской власти борется. Молодцы, одним словом!

А у Тamarки дома ногу негде поставить. Родители – ответственные работники, а в единственной дочери души не чают и ждут не дождутся пристроить её замуж. Оттого и не жмутся и позволяют у себя дома праздник отмечать. Празднуем в складчину, чтоб каждый себя достойно чувствовал. Да какая там складчина – видимость одна! На столе такое, чего себе средняя семья никак позволить не может. Тут тебе и ветчина, и колбаска копчёная, и рыба какая-то нарезанная, вкуснющая до одурения. А водочка что твоя слеза, чистейшая, с такой и похмелья не будет. Ну это, конечно, если с вином с раннего утра не смешивать. А вино какое, а салаты, даже фрукты в ноябре! Живут же люди! Ну, кто в люди хочет? Всего-то и делов, на Тamarке жениться, и можно всю жизнь объедаться. Так, тосты начались. Сколько уже выпили? Три рюмки на демонстрации и четыре тоста здесь. Это получается семь тосторюмок или рюмкостов? Кто знает, как правильно? Ага, вот и восьмой, за гениального товарища Сталина! Что, уже был за Сталина? Кто сказал, уже был? За Сталина можно пить вообще каждый раз! Ура, товарищи! Пьём за товарища Сталина! Да, а теперь на воздух. Что-то местность перед Тamarкиным домом неровная. Что же вы, товарищи дворники, у дома таких ответственных товарищей дорожки подровнять не можете? стыдно, товарищи, вот эта дорожка совсем кривая, видите, как меня на ней уносит влево! А это троцкистский уклон! Ой, а здесь меня вообще занесло! А фонтана у вас перед домом нет? Как нет, вот, смотрите, я уже фонтанирую! Видите, как фонтанируют вместе и водка, и вино, и закуски. Закуски особенно жаль, каждый день так не поешь. Да уж, настоящий фонтан Дружбы Народов! Ура, товарищи! Всё, тихо, я в порядке, только посижу на воздухе, ага, идите. Всё, Марик, больше ты сегодня не пьёшь. Ого, дойти бы до вешалки, пальто взять и – домой. Непросто, очень всё непросто в этом мире. Не иначе как враги народа строили здесь лестницу и подъезд. Всё кривое и гнётся, а ступеньки в подъезде какие высокие! Всё, взял пальто и – домой, Томка простит, Томка свой парень! Ой, то есть девушка, конечно же, своя в доску, Томка не выдаст! А теперь спать, но сначала снять пальто, а чего его снимать, если можно прямо в нём плюхнуться, да и ботинки тоже потом. Да не качайте вы кровать, черти! Куда полетел, хвостатый? Кыш, революция чертей отменила! Всё, спать!

* * *

Боже, что это было? Почему он на кровати в одежде и ботинках? Ого, пол ещё покачивается, хорошо же его вчера приложило, сколько он выпил? Ого, три рюмки вина, ну, считай стакан, да за восемь тостов по полста водочки, итого четыреста. На голодный студенческий желудок совсем неплохо. А что было вчера? Да, патефон он помнил, он пытался кого-то пригласить? Неужели он танцевал с Тamarкой? Вот это влип, а может нет, надо бы у Володьки Щеглова спросить. Он пьёт не пьянея, наверняка всё помнит. Так, что ещё было, ага, плохо ему было, это мы помним. Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Стоп, а Блок с ними не пил? Тогда отставить ночь! Улица и фонарь были. Аптека, да, неплохо бы сейчас аспиричику, да только где в праздник аптеку открытую найдёшь. Голову под кран с холодной водой. Уф-ф! Вот тебе и на аспи-ринчике сэкономили.

В первый же день после окончания праздников, когда все студенты опять встретились за учёбой, только и было разговоров о том, кто и как отметил праздник. Слава богу, о себе Марк ничего такого, о чём не было бы известно, не узнал. Нет, с Тamarкой не он танцевал, уже хорошо, поди дай ей повод. А Ирочка ушла с празднования со старшекурсником. Был ли у него шанс увести Ирочку, да и куда бы он её повёл, не в будку же киномеханика такую красавицу вести! А после того, как он так отличился со своим фонтаном на улице, она на него и не глянет.

Последняя декада ноября, белые мухи кружат по городу, ударяются о стекло и уже не тают как раньше. Пора осеннее пальто менять на зимнее. Что, что случилось? Нет, не может быть! Как так, Ежова отстранили от занимаемой должности? Лично Сталин распорядился? Да не может быть! Товарищи, это провокация! Да, действительно, да, в газете написано. Ну, разумеется, газета врать не будет. Это же центральный партийный рупор. Вот тебе на! За перегибы и за невинно осужденных! Ого, так и Мишка же невинно осужденным может оказаться! И дядя Евсей тоже! Скорей бы его уже отпустили, тогда бы и гора с плеч. Гудит аудитория. Что же это получается, кому теперь верить, если в самом Кремле да на такой должности вредитель окопался. Да нет, в товарище Сталине только круглый идиот сомневаться может, это ж и ежу понятно. Хм, ежу уже, стало быть, и непонятно. Арестовали ежа, теперь колючки состригут, и быть ему коlobком. Как по сусекам соскребали, так и расскребут, сожрут теперь Ежова. Да туда ему и дорога, раз враг!

Смерть! Смерть! Смерть! Смерть!

Глава 6

Марк или Михаил

Их привели в это большое помещение, видимо, переоборудованное из какого-то складского. Тридцать шесть человек построенных в четыре ряда стояли под охраной четырёх солдат с ружьями наизготовку. Но, на самом деле, хватило бы и одного, даже без ружья, просто с каким-нибудь хлыстом в руках. Грязные и голодные люди, ещё какой-то месяц тому назад называвшиеся бойцами непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии, стояли перед настоящими победителями, вольными отнять их жизни в любой момент. Когда-то солдаты огромной страны, а сегодня разобшенная кучка людей, отчаянно борющихся за своё выживание. Общим, пожалуй, было только страшное чувство голода. Подкреплённое безысходностью, оно заставляло рыскать глазами по сторонам в поисках хоть крошки съестного, а ноздри жадно втягивать воздух в попытке уловить запах, напоминающий о еде. Страх – об этом чувстве можно было бы говорить бесконечно. Каждый бывший солдат непобедимой Красной армии, так внезапно и без особых военных усилий противоборствующей стороны ставший военнопленным, пребывал в постоянном состоянии страха. Все без исключения боялись любого приближающегося охранника или офицера, особенно, если он шёл в окружении группы солдат, они вполне могли начать очередную селекцию и поставить кого-то на краю расстрельного рва, который ежедневно на протяжении двух недель копали сами пленные под надзором охраны. Самые смелые или идейные до мозга костей, готовые не задумываясь отдать жизнь за Родину, партию и товарища Сталина, уже сделали это, а здесь, на этом открытом поле, огороженном колючкой в несколько рядов и с пулемётчиками по периметру, остались люди, обречённые своими бездарными командирами на попытку выжить. Бежать им было некуда, никто не знал наверняка, как далеко продвинулся фронт за те две с небольшим недели, которые они провели почти лёжа и сидя друг на друге из-за неимоверной тесноты. А даже и сбежав, пленный должен был прежде всего решить в каком направлении бежать. К тому же они совсем не понимали, куда их привезли в своих же родных и знакомых до боли теплушках, в которых ещё недавно они ехали разбить врага и возвратиться домой с победой. К тому же, советский солдат, попавший в плен, автоматически считался изменником Родины, а значит, по закону военного времени мог быть расстрелян без суда и следствия по приказу любого желторотого лейтенанта, возмнившего себя богом войны.

Бежать в леса, уповая на помощь местного населения, тоже было полным безумством. Лес не мог принять всех желающих и обеспечить их, пусть даже и при помощи части населения, всё ещё лояльной прежней советской власти. И лес понемногу выдавливал из себя ненужных ему новых жителей. Он гнал их, пугая ночами шорохом листвы, уханьем филина, похрюкиванием дикого кабанчика. А после бесплодной попытки изловить кабанчика или хотя бы самую малую особь его семейства, когда обессиленные погоней люди падали на землю в попытке отдышаться, он пугал их голодной смертью. И хотя были ещё в изобилии жёлуди, так любимые кабанами, люди отказывались верить, что эти лесные орехи вполне съедобны, а посему прибегали к их помощи в последнюю очередь. И выходы к ручьям и рекам, чтобы утолить жажду, больше напоминали сцены из какого-нибудь рассказа бывалого путешественника, вещающего своим слушателям, как у каждого водопоя поджидали наивных зверушек кровожадные хищники. Так и здесь, на берегу любого водоема бегущая живая мишень могла стать объектом нападения не только врага, одетого в чужую форму, что решил покуситься на их мирную жизнь. Опасаться следовало и своих, т. е. своими они считались по ряду признаков, их объединявших: одному языку, на котором им когда-то отдавались приказы, одной форме одежды, включавшей бесформенного покроя рубаху, называемую гимнастёркой, брюки-галифе да ботинки с обмот-

ками, так странно и нелепо выглядевшие по сравнению с хорошими и удобными кожаными сапогами, в которые были обуты недавние союзники. В тридцать девятом с ними вместе маршировали на параде в Бресте. Никто не мог понять, что же произошло, ведь ещё вчера им рассказывали, что немецкие товарищи – лучшие друзья СССР. И вот нападение, такое подлое, диктор по радио так и объявил: без объявления войны. Ну ладно, они враги и обманщики и ещё, даст бог, ответят за свою подлость, а наши-то что ж проворонили? Неужели разведка не докладывала? Да быть такого не может, ведь любой отошедший с боями от границ и приграничных областей рассказывал и об огромном количестве живой силы и техники противника, сосредотачивавшихся накануне войны у наших границ, и об огромном запасе вооружения и боеприпасов, которые, не успев уничтожить, оставляли врагу. Стало быть, готовились и знали, а иначе зачем это всё гнать в таких количествах к границе? Те, кому довелось присоединиться к боевым частям чуть позже, картины этой сами не наблюдали, а потому рассказанное новыми товарищами, с которыми их свела судьба, вызывало сомнения. Не может того быть, чтобы самое современное оружие, да в таких количествах, не могло остановить врага. Налицо заговор, как в тридцать седьмом, когда Тухачевский хотел сместить Сталина, да поплатился за это. И сейчас как пить дать тоже заговор. Не могли наши командиры так бесславно бежать от врага, теряя технику и живую силу, ведь от тайги до Британских морей Красная армия всех сильнее! Теперь небольшие группы солдат, отставшие от своих частей или похоронившие всех боевых товарищей, прятались по лесам, наблюдая, как по всем дорогам непрерывным потоком идут на Восток колонны техники и живой силы противника. Было бы полнейшим безумием пытаться встать на пути у этой армады. В лучшем случае на несколько солдат была одна винтовка и несколько патронов. В любой момент тот, кого ещё вчера можно было назвать своим, с кем вместе ты сидел в окопе, отбиваясь от напирającego врага, или драпал потом с позиций, чтобы спасти свою жизнь, которая уже и так стоила намного меньше обмоток с твоих ног, мог стать твоим главным врагом. Убить могли за любую кроху хлеба, за подозрение, что мог выдать, за намерение сдаться в плен, а потом и за то, что не захотел сдаться со всеми. Причин было множество, и все они были вескими в глазах того, кто мог это сделать.

Время неумолимо делало свою работу. Бродившие по лесам солдаты, истратившие все патроны для охоты на диких зверей, иногда попадавших в их поле зрения, теряли вместе с последними патронами и последнюю надежду на спасение. Иногда встречались одиночки, прибывающиеся к небольшим группам разных подразделений, некоторые рассказывали, что участвовали в боях, пытаясь прорвать кольцо окружения и выйти к своим. Удавалось это немногим, большинство гибло или попадало в плен. И уже начали выходить понемногу из леса с поднятыми руками, сдаваясь на милость победителя, споров предварительно знаки различия, а то и сняв с погибших рядовых их галифе и гимнастёрки, забросив подальше свои офицерские. И документы сжигались на кострах или закапывались до лучших времён. А немецкие колонны даже не сбавляли ход и продолжали двигаться вперёд, почти не обращая внимание на стоящих вдоль дороги чужих солдат с поднятыми руками. Скорее, их рассматривали с любопытством, столь свойственным детям, увидевшим в цирке пещерного человека, не такого как все.

Эти русские были другими. Они выходили из леса, заросшие щетиной, в грязных гимнастёрках или даже шинелях, в ботинках с обмотками. И они смотрели по-другому, исподлобья, с какой-то ненавистью и обречённостью. Иногда кто-то из них мог поплатиться за свой взгляд, если он не нравился победителю, и тогда одним будущим пленным становилось меньше, а одним трупом у дороги больше. Им приходилось стоять так с поднятыми руками довольно долго, они уставали и садились вдоль дороги. В какой-то момент появлялась военная жандармерия, пленных собирали в колонны и в сопровождении конвоя гнали в места сбора, загоня на огороженные площадки, куда недавно пригнали выгруженных из вагонов солдат и офицеров, попавших в плен вместе с Марком. От вновь прибывших они узнали, что находятся в Гомеле. Это было довольно странным и непонятным. Никто не мог объяснить почему их решили при-

гнать именно сюда. Но, впрочем, это не имело никакого значения, вряд ли судьба находящихся в других местах могла сильно отличаться от их собственной. Было одно обстоятельство, дающее маленькую надежду – раз их привезли вглубь захваченной территории, значит, для чего-то это сделали, ведь уничтожить их могли ещё на месте пленения. Может быть, их хотели использовать на каких-то работах, но пока из всех каждый день трудились лишь копавшие длинный ров, к краю которого на колени ставили не прошедших немецкую фильтрацию. Офицеры, коммунисты и евреи расстреливались в первую очередь. Потом шли лица с непонятной внешностью, они могли быть выходцами с Кавказа, а могли оказаться евреями, поэтому таких тоже уничтожали, тем более, что в первые дни войны не набиралось много людей, которые могли бы с большой долей достоверности поручиться за кого-то, что он не еврей. Некоторых подозрительных заставляли снимать штаны – обрезанные евреи сразу выделялись на фоне остальных. Мусульмане тоже были обрезанными, но, видимо, этого никто не объяснил проводящим селекцию, и поэтому на всякий случай всех обрезанных тоже расстреливали. И черноглазых, и с горбатым носом, и не выговаривающих букву Р, рыжих и кудрявых – всех, кто хоть отдалённо мог напоминать еврея. Иногда кто-то из приведённых на селекцию начинал истошно вопить, показывая на своего соседа по колонне. Выдав еврея или командира, он старался купить себе лояльность новой власти. Но иногда эта лояльность выходила боком. Наутро находили труп добровольного помощника, внезапно заболевшего ночью и скончавшегося к утру. Но иногда желание услужить приносило свои плоды, немцы подыскивали себе помощников из числа прошедших селекцию. Их кормили лучше остальных, и они важно выхаживали среди вчерашних товарищей с белыми повязками на рукавах и деревянными дубинками, выискивая среди тысяч таких же солдат, какими были и они сами ещё вчера, командиров и комиссаров, евреев и цыган. И гнали их своими дубинками к выходу и строили в специальную колонну. Этим людям проходить селекцию уже не требовалось, путь у них был один – к расстрельному рву. Сил сопротивляться не было, и они покорно принимали свою участь. Они падали в ров или на край, и военнопленные из числа копающих стаскивали и сталкивали их вниз. Потом часть рва засыпалась по мере наполнения, превращаясь в братскую могилу.

Но не только расстрелянными наполнялся ров. Каждое утро к выходу огороженного пространства сносили умерших ночью. Специальные бригады под присмотром немецкого конвоя собирали погибших вдоль дорог и на полях. И приносили иногда уже прилично разложившиеся трупы и тоже сваливали их в один общий ров. И даже местных жителей, естественным образом умерших, хоронили в этих рвах, поскольку некому было заниматься организацией похорон. И уже появились откуда-то вши – вечные спутники обессиленных и немытых человеческих тел. И уже невозможно было не то что спать ночами, а даже спокойно сидеть днём. Стояла вонь, от которой некуда было деться. Человеческие организмы продолжали вырабатывать отходы жизнедеятельности, и их нужно было куда-то девать. Рыли ямы, куда сливали из огромных баков и ведер нечистоты. И даже обильно посыпали хлоркой возле этих ям, но это не решало проблему.

Бесконечные селекционные, из-за них на мгновение становилось чуть просторнее, но ненадолго. Освободившиеся места моментально заполнялись новыми пленными и арестованными местными жителями. Они-то и могли рассказать о положении дел. И по всему выходило, что немец силён и гонит Красную армию, что твою сидорову козу, куда Макар телят не гонял. Такими темпами к зиме, а может и раньше, возьмут Москву, и война, даст бог, закончится. И люди теряли последнюю волю к сопротивлению, и все помыслы были сосредоточены лишь на собственном выживании.

Марк был готов к тому, что его могут выдать в любую минуту, хотя и знал, что внешне не похож на еврея. Евреи удивительным образом растворялись среди тех народов, с кем им приходилось жить рядом. Он был похож на русского, украинца, белоруса, кого угодно, только не еврея. Но в свою очередь русский, украинец и белорус могли по своим, каким-то известным только им одним приметам опознать в нём чужака. Нет, говорил он по-русски чисто и

не картавил нисколько. И даже те дефекты речи, которые могли его выдать, давно уже сгладились за годы, проведённые в Ленинграде и на учёбе в Саратове. Но взгляд, взгляд был другим. Какая-то затаённая тоска чувствовалась в нём, совершенно отличная от тысяч других взглядов. И была ещё какая-то непокорность, несвойственная другим, может быть, оттого, что славянская религия этих «других» призывала подчиняться начальству и покоряться своей судьбе, а евреям за своё выживание приходилось во все времена бороться. В общем, знающий человек без труда мог вычислить в нём инородца. Свой офицерский военный билет Марк уничтожил и вовремя переделся в солдатское обмундирование. Когда немцы составляли списки пленных, он решил, чтобы не было лишних вопросов от бывших сослуживцев, назваться своей собственной фамилией, поскольку фамилия, заканчивающаяся на ин, не должна была вызвать лишних подозрений, изменив лишь имя и отчество. И теперь он значился не Марком Наумовичем, а Михаилом Николаевичем. Среди тех, с кем его привезли сюда в теплушке, были и солдаты из его части, знавшие его как врача. Вряд ли кто-то задумывался о его национальности, когда он оказывал им первую помощь или выдавал таблетки и микстуры, тем более, что прослужить вместе они успели совсем немного. Но тем не менее, когда в один из дней помощник с повязкой на руке указал на него своей дубинкой, он воспринял это как доносительство в связи с его национальностью.

Но всё оказалось совсем по-другому. Он попал в колонну из тридцати шести человек, по четыре в ряд, и вели их в сторону, противоположную от расстрельного рва. Среди идущих рядом с ним он узнал нескольких своих коллег-военврачей, с которыми успел познакомиться за время вынужденного пребывания в этом импровизированном лагере для военнопленных. Было непохоже, что немцы собирались уничтожить всех врачей сразу, сопровождавшие их немецкие помощники ничего не сообщали о цели сбора.

И вот сейчас они стояли в этом большом помещении, ожидая каждый своей очереди к письменному столу, за которым сидела молодая женщина в аккуратной чёрной форме и чёрной же пилотке с белыми вставками по краю внешней складки. По центру пилотки была кокарда с изображением черепа с костями серо-белого цвета. Женщина свободно говорила по-русски, задавала вопросы, отмечала что-то в своих списках и распределяла кого-то налево или направо. Если у неё возникал вопрос по внешности стоящего перед ней, она приказывала спустить штаны и проверяла обрезание. Ослушаться её приказов никто не смел. Она просто давала ясную и чёткую команду, и каждый понимал, что изображать непонимание себе дороже.

Марк стоял в последнем ряду, их осталось только двое. Он как мог оттягивал время и пропустил вперёд мужчину, стоящего рядом с ним. Всех остальных уже куда-то увели, разделив на две колонны. Марк подумал, что малую колонну, возможно, повели на расстрел. Наконец он остался один, и солдат сделал ему знак карабином, веля пройти к столу. Марка бил лёгкий озноб, который он как мог старался спрятать, крепко стиснув зубы и готовясь чётко и кратко отвечать на вопросы. Женщина за столом мельком глянула на подошедшего Марка, продолжая что-то записывать.

- Фамилия, имя, отчество.
- Цалихин Михаил Николаевич.
- Смотреть вниз!

Марк стоял перед ней, опустив глаза. Он чувствовал на себе пронизывающий взгляд, и тщательно скрываемый озноб готов был вырваться и выдать его. Может быть, она именно того и ждёт, что он затрясётся от страха?

- Опустите штаны и задержите гимнастёрку!

Всё, это конец, теперь ему уже ничего не поможет. Теперь он уже не мог справиться с ознобом. Трясущимися руками он расстёгивал пуговицы и стягивал штаны, а следом за ними и исподнее. Он так и стоял, опустив глаза вниз, со спущенными штанами, а женщина рассмат-

ривала его так, словно не посмотрелась на десяток мужчин до него, точно так же стоявших здесь до него.

– Наденьте штаны. Вы врач какой специализации?

– Я терапевт.

– Значит, на хирурга учиться передумали?

– Терапия у меня пошла лучше.

Женщина что-то писала в анкетах. Чёрт возьми, откуда она знает про него такие подробности, ведь он никому ничего не рассказывал, тем более про свою учёбу, что он действительно одно время хотел освоить специальность хирурга, но передумал, послушавшись питавшего к нему слабость профессора Черняева. Тот был просто уверен, что колоть и резать – это удел мясников, а ему, Марку, светит хорошая карьера врача терапевта. И Марк внял профессору, он даже одно время хотел, чтобы Черняев оставил его на кафедре по окончании института, и даже собирался вернуться в Саратов после небольшого отпуска в любимый город. Но война спутала все планы, и прямо в Ленинграде он сам явился в военкомат и призвался. Но откуда о нём могла знать эта женщина в немецкой униформе, свободно говорящая по-русски? Внезапно Марк начал догадываться, кто мог быть перед ним. Нет, это было бы слишком невероятно.

– А как ваша сестра, Михаил Николаевич, она тоже терапевт?

– Да.

– Вы хотите сообщить германскому командованию какие-либо сведения о себе, например, вашу национальность. Ну, что же вы молчите? Смелее.

– Русский. Я русский.

– Как здорово вы врётё, Михаил Николаевич. Вам следовало хотя бы исправить обрезание. Поднимите уже глаза.

Марк медленно поднял взгляд. Сомнений не было, перед ним сидела Ольга, та самая Ольга, в которую он был влюблён в первый год своего обучения в Саратовском мединституте. Да, именно ей он рассказывал о том, что хотел бы стать хирургом. Но как она очутилась здесь, ведь её же арестовали и депортировали куда-то далеко. Он долго хранил прощальное письмо от неё, оно и по сей день оставалось среди его вещей, оставленных у квартирной хозяйки на хранение.

«Мой любимый Марик, я не знаю, в чём мы виноваты, но нас не выпускают из нашего посёлка. Нам объявили, что дают два дня на сборы, и мы срочно пакуем чемоданы. Нам придётся оставить дома и скотину. Нас куда-то переселяют, вроде бы из-за симпатий к немецким фашистам, но никто ничего не понимает. Я надеюсь, что всё встанет на свои места после того, как власти разберутся в происходящем, и нас вернут обратно. Я очень хочу вновь быть с тобою вместе. Знай, что я очень тебя люблю и буду ждать нашей встречи. Но если от меня не будет вестей год, или два, или три, найди себе другую, а меня забудь. Я лишь хочу, чтобы ты был счастлив».

Он нашёл это письмо в своём почтовом ящике через месяц после её исчезновения, оно было сильно помятым и довольно грязным. Видимо, его выбросили из идущего поезда, и кто-то подобрал и отправил, а может быть, уговорили охрану. Он ездил тогда в Ольгин посёлок, разыскивая её, но его остановил патруль; долго и придирчиво проверял документы и выпытывал, что он здесь делает. В конце концов его отпустили, посоветовав забыть сюда дорогу. Посёлок пустой, все жители уехали. Больше ни на один вопрос он ответа не получил. Прошло около полутора лет прежде чем он оправился от боли расставания и убедился, что нет надежды на встречу с ней. Образ Ольги постепенно таял и окончательно растворился, когда он уступил Ларисиной настойчивости. Если уж быть совсем честным, то Лариса проявила завидное терпение и понимание. И Марк решил, что преданней друга не найти. Тогда он уже почти перестал

вспоминать об Ольге. Но что же с ней произошло, и как она попала сюда? Ведь не депортировали же её в Германию?

– Узнаёте меня, Михаил Николаевич?

– Да.

– И я вас сразу узнала, но на всякий случай решила убедиться, что это мой Михаил Николаевич. Ну что же вы молчите, расскажите о себе.

– Мне нечего рассказывать. Я не знаю, что произошло, почему я пленный и стою здесь, а ты меня допрашиваешь.

– Пленный должен вежливо разговаривать с офицерами Вермахта. Вам следует называть меня Ольгой Антоновной или фрау лейтнант, по-вашему – это лейтенант. В следующий раз вы будете наказаны. У нас уделяют большое внимание дисциплине.

– Извините, фрау лейтнант.

– Итак, вы закончили институт с красным дипломом?

– Нет, но оценки все хорошие.

– Надеюсь, знания тоже?

– Я собирался вернуться в институт с отпуска, работать на кафедре и начать писать диссертацию.

– Здорово. Вас ожидала хорошая карьера. Как вы попали на фронт?

– Я был в отпуске, в Ленинграде, я там жил и учился несколько лет до поступления в Саратовский институт, я рассказывал вам.

– Да, я помню.

– Объявили о начале войны, я военнообязанный, поэтому должен был явиться в ближайший военкомат, оттуда меня и мобилизовали.

– Вам приходилось стрелять в немецких солдат.

– Только в одном бою, и я не уверен, что в кого-то попал. Я занимался ранеными.

– Помните, вы неплохо стреляли в тире во время наших прогулок. Ладно, Цалихин, у меня нет времени с тобой болтать, мне сегодня ещё сотню таких как ты нужно опросить. Я сохранию тебе жизнь в память о наших прошлых отношениях. Но запомни, если ты шепнёшь кому-то хоть слово о том, что ты меня знаешь, я лично вычеркну тебя из списка живых. Тебе повезло, нам нужны врачи, со дня на день может вспыхнуть эпидемия какой-нибудь заразной дряни, будешь работать по её предотвращению. Остальных я отправлю в другие лагеря, чтобы ты был при мне, иначе не выживешь. Будешь осматривать пленных и других арестованных и решать, кого сразу пустить в расход, а кто ещё может поработать. О романтических отношениях наших забудь. Сегодня ты мне неинтересен. Комендант лагеря страдает почечной недостаточностью, если сможешь ему помочь, то у тебя появится дополнительный шанс пережить зиму. Это всё, что я могу сделать. Если не подходит, то сразу скажи, и тебя проводят сам знаешь куда.

Ольга пристально смотрела ему в глаза. Она могла не спрашивать, ответ был ясен заранее. Оставалось только поблагодарить небо за внезапно появившийся шанс.

– Сейчас тебя отведут в барак где живут hilfswilliger, т. е. наши помощники из числа пленных. Помоешься, переоденешься и поешь. С завтрашнего утра приступишь к своим обязанностям в качестве врача. Вот с этой запиской тебя отведут к бараку. Всё, свободен.

– Благодарю вас, Ольга Антоновна.

– Идите и оправдайте доверие. Если вы попытаетесь бежать или вредить нам, то сильно меня подведёте, – Ольга опять перешла на «вы».

Оставшийся охранник отвёл его к небольшому бараку, где вручил записку ответственному офицеру. Тот изучил её и внимательно посмотрел на Марка.

– Врач? – на чистом русском спросил он.

– Да.

- Где учились?
- Саратовский медицинский институт.
- Хорошо, устраивайтесь.

Офицер подозвал одного из носящих белую повязку на рукаве и велел ему разместить Марка.

- Яволь, герр гауптман! Ну, чего встал, топай за мной. Как зовут?
- Михаил.

– Так, Михаил, сейчас ещё с тремя такими же пойдёшь мыться и вываривать своё барахло. Переодеть тебя не во что, постираешься, пока завернёшься в одеяло, к утру подсохнет, потом в нём и пойдёшь. Пока не отмоешься, место я тебе дать не могу. Обед получишь со всеми. Мыло тебе дам, что останется – вернёшь. Ещё дам станок побриться, ты же врач? А врач должен чисто выглядеть. Комендант грязных не любит, запросто может в ров отправить. Меня Серёгой кличут, если есть вопросы, обращайся.

Сзади барака Марк увидел небольшую, огороженную комнатку, куда его завели вместе ещё с тремя пленными. Одежду свою они повесили на вбитые гвозди. Марк впервые за последний месяц снял сапоги не только для того, чтобы перемотать портянки. Запах от портянок и грязных солдатских ног оставлял желать лучшего. У всех четверых были сильно натёртые ноги, которые после мытья хорошо бы смазать мазью Вишневского, дать им отдохнуть несколько дней, походив в больничных тапочках. Но об этом можно было только мечтать.

Через несколько минут Серёга принёс им два ведра почти горячей воды и две кружки, указал на кран с холодной, находящийся снаружи барака, и удалился. Бережно расходуя воду и мыло, пленные начали мыться. Было прохладно, осень уже приступила к своим обязанностям и явно ставила об этом в известность голых людей, покрывшихся гусиной кожей от её неласковых прикосновений. Тем не менее, никто не отказался продолжить мытьё и холодной водой из-под крана, так надоел этот лагерный запах, казалось, ввевшийся навсегда в одежду и кожу. Потом они ещё час толклись у большого чана, вываривая свои гимнастёрки и исподнее, которое за неимением сменки отжали и сразу надели на себя.

Пока они толклись у крана голышом, с папкой в руке проследовала фрау Ольга, мельком глянув на голых мужчин. Марк старался мыться и следить за бельём таким образом, чтобы не обращать внимание соседей на своё обрешивание. Позже он подумал, что не могло такого быть, чтобы никто ничего не заметил. Но и тогда и после никто ничего не говорил. Обувь обработали уксусом, и она какое-то время пахла кислым. С охапкой мокрых вещей в руках они шли босиком по бараку получать спальные места. Им даже не верилось, что после стольких дней ночёвки вповалку под открытым небом, иногда даже под первыми лёгкими дождями (а у Марка ещё и после переезда в теплушке с места сдачи в плен) наконец-то можно будет прилечь на настоящую кровать с пружинами и тощим матрасом, плохоньким одеялом и даже подушкой. Это было невиданной роскошью. В комнате было даже пару тумбочек, в которые класть пока было абсолютно нечего. Развесили мокрую одежду на спинках кровати и стали понемногу знакомиться. Все оказались медработниками из разных частей. Марк был единственным врачом, но пока он не имел понятия, хорошо это или плохо. Самые повышенные требования, разумеется, будут предъявлены врачу, и спросят с него тоже больше, чем с остальных. Но в случае, если он докажет на деле свою квалификацию, то, возможно, и какие-нибудь маленькие привилегии у него тоже могут появиться, но думать об этом было несколько преждевременно. Возможно, спокойнее быть простым фельдшером и выполнять распоряжения врача, не беря на себя никакую ответственность. Но Марка никто не спросил, кем бы он хотел быть в данной ситуации. Судьба просто дала ему шанс. За свою квалификацию Марк был абсолютно спокоен, он мог бы подтвердить её перед любой комиссией. Если только никто не докопается до его еврейства, у него появлялся реальный шанс если не выжить, то хотя бы ещё немного пожить.

Зашёл Серёга, держа в руках ведро с кашей. Ещё один человек, вошедший с ним, держал миски с ложками и нарезанный хлеб. Все получили по миске каши и куску хлеба, а также наказ присматривать за своими мисками и ложками. Каша была проглочена моментально, несмотря на то, что оказалась слегка подгорелой и недосоленной. Но на это уже никто не смотрел, все настолько соскучились по еде, что могли бы съесть любое блюдо, от которого перед войной воротили носы. Ощущение хорошей сытости отсутствовало, для этого требовалось проглотить ещё пару таких обедов, но хотя бы отступила сосущая тяжесть в желудке.

Один из фельдшеров, высокий Арсений Голошеев, прошлёпал в коридор босыми ногами. Отправился добывать курево. На удивление он вернулся довольно быстро с прокуренной до середины папирасой. Каждый успел сделать по несколько затяжек, прежде чем папираса прекратила своё существование. Соседи по комнате с удовлетворением восприняли новость о том, что Марк не курит. Им досталось по паре лишних затяжек. Жизнь начала налаживаться, сегодня явно был их день. И хотя они постоянно слышали одиночные хлесткие выстрелы, именно им судьба сделала персональный подарок. И даже приди за ними посыльный с приглашением к расстрельному рву, и тогда они пошли бы спокойно, можно даже сказать, умиротворённо, понимая, что выбрали всё, что можно из нехитрого ассортимента обречённых смертников. Но сегодня пули летели не в них, свистели не над их головами. А смерть, к смерти на войне привыкают быстро, а они четверо, будучи медиками, вообще относились к ней просто и философски. Ну, чего суетиться, коли сама жизнь так устроена, будь хоть семи пядей во лбу, а сбежать от старухи с косою всё одно не получится, так и не стоит каблук сбивать.

Они сидели рядом и вели неспешные беседы, словно не было войны, этого пересыльного Дулага, и будущее их было светлым и беззаботным.

Они пересказывали каждый свою историю. Рассказы были весьма похожи, различали их лишь названия воинских частей, подразделений да географическая местность. Везде противник нанёс мощные авиаудары, прорвал линию обороны танками в сопровождении пехоты, разбил и рассеял линию обороны. А наши хваленые красные командиры не имели что противопоставить хорошо организованному наступлению. А потом все бежали, отстреливаясь, пока были патроны, а куда бежали, и сами толком не знали. Думали, ещё чуть-чуть, и попадут к своим. Но пройдя чуть-чуть, а потом ещё чуть-чуть, а потом и вовсе не чуть-чуть, никак не могли догнать линию фронта. Противник проходил по несколько десятков километров в день, лишая окружённых красноармейцев последних шансов прорваться. И в конце концов бойцы непобедимой Красной армии, брошенные командирами без боеприпасов, продовольствия и хоть какого-нибудь плана действий, обнаружили себя стоящими перед врагом с поднятыми руками. Было страшно и унижительно. Это не они должны были так стоять с поднятыми руками, а те, что с самоуверенными рожами сгоняли их в колонны, частенько подгоняя пинками и ругательствами на чужом языке. Это красноармейцы должны были победным шагом пройти по разным там Берлинам, Парижам и Будапештам, освобождая своих пролетарских братьев от буржуазного угнетения и высоко неся знамя Всемирной революции. Да, что-то недосмотрел вождь наш любимый, перехитрил его Гитлер, переиграл и если не мат, то уж шах объявил по полной.

И вставал другой вопрос, что им-то, попавшим в плен, делать? Ещё несколько дней тому назад комендант Дулага объявил через переводчика, что советское руководство отрёклось от своих пленённых бойцов, и они все поголовно записаны в изменники Родины. И нет им пути назад, а если хотят выжить, то должны помогать строить новый германский порядок и всячески сотрудничать с новой властью. Предателями они себя не считали, и врачебную миссию, для которой их отобрали и спасли от расстрельного рва, тоже предательской считать было никак нельзя. А значит, завтра они начнут служить новой власти, а там будь что будет. В конце концов, они медики, их прямой долг помогать больным и раненым, что они и собираются делать.

Ночью Марку снилась Ольга, они гуляли по берегу Волги, держась за руки, и брели по солнечному лугу, но каждый раз, когда Марк хотел её поцеловать, она прикрывала рот рукой и говорила ему:

– Маричек, я уже не твоя Ольга. Мы теперь не можем целоваться.

– Но почему же мы вместе гуляем, взявшись за руки?

– Просто мне так хочется.

– Ну можно хоть один маленький поцелуй?

– Забудь об этом, иначе ты погубишь и себя и меня. И гулять нам можно вместе только во сне.

И Ольга убежала от него прямо по воде. Марк пытался было броситься за ней, но понял, что он не может её догнать. Он вбежал в воду по колени, а она уже была на другом берегу. И Марк понял, что отныне их разделяет пропасть, такая же широкая и глубокая, как Волга под Саратовом.

Утром он проснулся в смешанных чувствах. Он не знал, что и думать про Ольгу. Он понимал, что, дав ему шанс, она не собирается его губить. Видимо, какие-то чувства у неё к нему оставались, а может, им просто нужен был врач, и его пока оставили. Но ведь были и другие врачи, а Ольга отправила их в другие места. Несомненно было одно – прошедшие с их расставания четыре года полностью изменили его бывшую любовь. Сегодня это была другая Ольга, не та, которую он знал молоденькой девушкой. Вчера за канцелярским столом сидела властная женщина, явно прошедшая хорошую жизненную школу. Она без всякого колебания сортировала стоящих перед ней мужчин, решая, кому жить, а кому нет. И делала это безо всякого стеснения, хотя о каком стеснении можно было говорить, если Ольга тоже была медиком? Правда, проучились они вместе совсем чуть-чуть, так что медиком она была несостоявшимся, но поскольку анатомию учат уже на первом курсе и анатомичку посещают тоже, то строение мужского тела не было для неё тайной за семью печатями. А сейчас его бывшая любовь может отправить его в расстрельный ров щелчком пальцев за небольшое анатомическое отличие, и никто не станет с ней спорить. Что же произошло с его Ольгой, юной и чистой любовью, которую он так быстро потерял не по собственной воле? А было ли у них будущее? Марк отгонял от себя эти мысли, стараясь переключиться на свою новую должность.

После завтрака их построили перед комендантом. Они стояли во влажных гимнастёрках и ёжились от утренней прохлады. Комендант стоял перед ними, тщательно выбритый, в начищенных сапогах и форме, он производил впечатление умного и требовательного человека. Майор Штейнбок уже имел опыт организации пересыльного лагеря Дулага ещё в Польше и точно знал, чего он хочет от своих людей. Этой четвёрке медиков предстояло навести порядок в лагере и избежать вспышки какой-нибудь эпидемии. В случае успеха он готов был облегчить (насколько возможно) их существование в его лагере. Он поручил им составить план работы и предоставить ему к обеду. Всей четвёрке повязали белые повязки, наделявшие их полномочиями по отношению к другим пленным, и разрешили заходить в любое место на территории лагеря. После того, как майор Штейнбок ушёл вместе с переводчиком, Марк решил провести рабочее совещание. Они вместе обсудили план действий и пришли к общим выводам. Прежде всего следовало выделить свободную область, куда могли бы помещать прошедших первичный осмотр, дезинфекцию и антисептическую обработку. Далее следовало прокипятить в мыльном растворе их одежду и обработать уксусом обувь. Возникла проблема, где взять одежду для раздетых догола людей. Оставить в таком состоянии – означало обречь их на простуду, и вся возможная работа по их отделению от уже больных пошла бы насмарку. Нужен был какой-то минимальный запас одежды. Продолжать размещать под открытым небом людей, прошедших осмотр и обработку, было нерационально. Как поняли медики из их разговора с майором Штейнбоком, люди нужны для выполнения различных работ, причём как можно скорее. Зна-

чит, нужно поставить вопрос о каком-то закрытом помещении, хотя бы с минимальной защитой от ветра и дождя.

С одеждой был единственный выход – снимать её с приговорённых к расстрелу, обрабатывать и выдавать тем, кто будет направлен для прохождения в чистую область. Это вызывало массу противоречивых чувств, медики чувствовали себя чуть ли не палачами. Но могли ли они сделать что-то ещё, чтобы помочь остальным? Ведь обречённые ложились бы в могилы в любом случае, в одежде или без неё. В конце концов было решено предоставить эту часть плана на усмотрение лагерного начальства. Как и ожидалось, возражений не последовало, вся одежда и обувь, поступающие на дезинфекцию, будут выдаваться прошедшим обработку, а их одежда точно так же поступит в обращение уже чистой.

Теперь следовало урегулировать вопрос с размещением пленных. Подыскали складское помещение, и нашедшиеся среди пленных плотники и каменщики приступили к работе. Каменщики обеспечили внешний ремонт помещения, пострадавшего после обстрелов. А плотники соорудили трёхъярусные нары. За несколько первых дней барак заполнился уже на треть.

Большой проблемой оказался отбор тех, кому предстояло пройти в чистую область. При всём сочувствии к отбираемым, медики должны были придерживаться чётко установленных критериев. Среди отобранных должны быть физически здоровые люди, которые в будущем могут быть использованы на различных работах. Пленные, чьё состояние вызывало вопросы, не могли перейти в чистую область без специального разрешения. Их не уничтожали, если лагерная администрация не видела в них угрозу возможного распространения заразных заболеваний. А всех подозрительно кашляющих и шмыгающих носом безжалостно подвергали уничтожению, не слушая никаких возражений Марка и его помощников. В конце концов, под угрозой расстрела им просто запретили спорить.

Получив от администрации несколько кусков брезента, обломки деревянных брусков и пару плотников, соорудили небольшую палатку, в которой производился досмотр. Длинная очередь из голых пленных стояла на открытом прохладном осеннем воздухе, никак не прикрытая от глаз, проходящих мимо гражданских, каковые двигались мимо Дулага по служебным делам. Марк и в дальнейшем не мог избавиться от этого неприятного чувства, сопровождавшего его годами. Он сидит за столом, к нему подводят очередного пленного, а он должен вынести ему приговор. Эти молящие о пощаде глаза голодных и измученных людей и то состояние безысходности, когда понимаешь, что не в состоянии помочь всем, когда и твоя собственная жизнь тоже висит на волоске. И ты тоже хочешь и должен выжить. И у тебя тоже есть на это право, потому что ты тоже такой же, как они, брошенный на поле боя солдат. Приходилось отодвигать в сторону все эмоции и просто делать своё дело. Откажись Марк и его коллеги от этой тяжёлой работы, сочтя более геройским гордо встать на краю расстрельного рва, то никто не оценил бы их благородства, история моментально бы вычеркнула их из своей записной книжки, а количество пленных, которые могли бы не дожить и до этого своего шанса перейти в чистую зону, возросло бы многократно. Приближающиеся холода и возможное распространение различных инфекций выкосили бы и без того ослабших обитателей Дулага.

Марк уже обнаружил несколько случаев рожистых воспалений на ногах и в промежностях. К сожалению, этим людям помочь уже никто не был в состоянии, сейчас он мог только уберечь остальных от заражения. Он провёл инструктаж остальных членов своей команды, наглядно показал, как и где искать признаки рожистых воспалений. Не смог Марк помочь и нескольким пленным с подозрениями на туберкулёз, лечить такие заболевания было непростым делом и в обычной больнице в мирное время. Здесь же медики были зажаты между требованиями администрации и полным отсутствием медикаментов. В таких условиях выбор просто отсутствовал.

Одежда проходящих осмотр собиралась в большие мешки и уносилась для проварки. Под несколькими большими чанами развели огонь, установив их на сооружённые из битого

кирпича невысокие подставки, между которыми под днища чанов можно было подкладывать поленья. На тёрке натиралось хозяйственное мыло и в такой мыльной воде вываривались вещи, потом они выуживались в тазы, немного остывали, их отжимали как могли и мокрыми доставляли в барак, где одежда с драками и руганью расхватывалась голыми пленными. Обувь по-прежнему обрабатывали уксусом. Самих же проходящих через санпропускник обтирали раствором карболовой кислоты, или попросту карболки, с производством которой вполне справились несколько местных уцелевших аптек. Удалось также получить небольшие количества йода, которым смазывались открытые раны, а также тальк, которым часто обрабатывали промежности из-за возникших в них различных воспалений, а также натёртые ноги. Многие пленные, раздевшись перед осмотром, впервые за много дней сняли обувь и подставили своё тело свежему воздуху. Пленных стригли наголо и соскребали тупыми бритвами отросшие щетины и бороды. Обработанные и внесённые в списки шли голые босиком до барака, где вытирали ноги об огромную грязную мешковину, тоже пропитанную карболкой, после чего входили в помещение, где им приходилось терпеливо дожидаться корзины с мокрой одеждой, из которой после серии стычек удавалось выхватить какие-то с виду более-менее приличные вещи. Они не были в тот момент образцовыми советскими людьми, воспитанными родиной и Сталиным, а больше напоминали стадо, где каждый старался, руководствуясь животными инстинктами, урвать только для себя и побольше. Они ещё не успели толком познакомиться и во всех окружающих видели если не открытых врагов, то уж скрытых наверняка. Каждый такой же пленный, как и они сами, мог занять место получше на нарах, мог болеть чем-то заразным, и от него тем более следовало держаться подальше. А ещё могли встретиться сослуживцы, знающие о вашем офицерском звании или о принадлежности к высшей касте политработников. А ещё могли быть и нераскрытые при медосмотрах евреи, которых каким-то образом не выдал этот врач с абсолютно славянской внешностью. И тогда тоже следовало быть осторожным и избегать сослуживцев. А ещё каждый сосед по лагерю съедал каждый день свою скудную пайку, а если б сдох, то, глядишь, остальным бы пайку и увеличили. Будучи не особо отягощённым моральным кодексом строителя нового общества, можно было заложить кого-нибудь и выслужиться перед лагерным начальством, а там, возможно, и подняться на ступеньку в лагерной иерархии, став помощником с повязкой на рукаве, и получать двойную пайку, словно небожитель, да ещё и имея возможность ткнуть палкой вчерашнего соседа по нарам или кочке, которую вместе использовали как какое-то возвышение во время сна в безрадостные дни ожидания перемен. Кругом были враги, тем более, все они были пленными и неизвестно как в плен попавшими. Каждый знал за себя, что он не враг и не предатель, а попал в плен в силу особых обстоятельств, а вот те, кто рядом, могли и сами в плен сдать. И хотя возвращения Красной армии не предвиделось и даже наоборот, следовало делать ставку на новую власть, пленные предпочитали держать языки за зубами, никто не хотел разделить судьбу расстрелянных товарищей. Да и не было больше никаких товарищей. Были, да все вышли, теперь учите новые правила обращения: герр комендант, герр офицер и даже к носящим повязки вчерашним своим товарищам следовало теперь обращаться осторожно, всячески проявляя доброжелательность и покорность, ибо подвести под расстрел такой герр помощник мог куда быстрее какого-нибудь немецкого охранника, хотя они и расстреливали за любую провинность всех подряд. Но теперь, переселившись в барак и пройдя отбор, человек попадал в некую касту, где он был менее прикасаем, поскольку на него уже имелись виды как на рабочую силу со стороны администрации. И действительно, людей из барака начали выводить на работы, разбирать завалы кирпича или восстанавливать тротуары, а то и плотничать или, предел мечтаний, работать водоносом и помощником на кухне. К самой еде не подпускали, но в конце рабочего дня можно было получить миску похлёбки с куском хлеба – чем не райская жизнь.

Иногда Марк задумывался, сколько из тех, кому он, возможно, спас жизнь на осмотре, не забрав для будущих работ, не выдали бы его, зная о его еврействе. Этот вопрос посто-

янно мучал его. Он не знал, кому можно доверять. Пока он был с повязкой на руке и от него зависели их жизни, они заглядывали ему в рот, а выпади другой расклад, кто из них не преми-нул бы сдать своего вчерашнего спасителя ради ещё одной миски похлёбки и куска хлеба? Его медицинские коллеги не могли не видеть его секрет, но никто не сказал ни слова и не побежал докладывать. Мог ли он им доверять? В какой-то степени, конечно. Но что будет завтра, никто не мог предположить. Его спасением могла стать медицинская служба, и он старательно выполнял свои врачебные обязанности, в чём не находил ничего предосудительного. Питание на его должности тоже было лучше в сравнении с остальными, но он его не выпрашивал, а просто был поставлен на довольствие, от чего никто из пленных добровольно бы не отказался. В себе как во враче Марк был абсолютно уверен и вёл себя таким образом, что ни у кого вокруг не могло возникнуть сомнений в его компетенции. Через неделю напряжённой работы на сортировке медики свыклись со своими обязанностями и стали выполнять их с меньшими эмоциями, словно могильщик, который, перехоронив с десятка два своих клиентов, перестаёт их оплакивать вместе с родственниками и близкими, а просто копает и засыпает, чтобы заработать пропитание. Понемногу уходил страх пребывания рядом с лагерной охраной. На медиков они обращали меньше внимания, понимая, что сами выполнить их работу они не в состоянии. Комендант лагеря, появлявшийся раз в день, чтобы следить за ходом работ, никакого недовольствия не выражал. Консультировать коменданта по поводу почечных коликов его тоже не приглашали, вскоре Марк понял почему. В разросшийся лагерь прибыл штатный врач в звании гауптмана, что соответствовало капитану медицинской службы. Ему выделили один из одноэтажных домов, примыкавших к Дулагу, обнесли его колючей проволокой, таким образом, включив его в лагерную территорию.

Гауптман со всей серьёзностью отнёсся к поставленным перед ним задачам и много времени проводил, наблюдая за ходом сортировки пленных и изредка вмешиваясь и давая свои указания. Но в целом было видно, что он согласен с выводами Марка и со временем у них установились нормальные рабочие отношения. Однажды гауптман пригласил Марка посмотреть на оборудованную под его руководством амбулаторию. Прежде чем войти в святилище гауптмана, Марку пришлось как следует протереть руки спиртом. Он совсем не возражал, ведь, проверяя пациентов, ему приходилось дотрагиваться до них довольно часто, и хотя он постоянно дезинфицировал руки карболкой, это было совсем не то. Кожа постоянно пахла кислотой, сохла и начала шелушиться.

Мужчина гордо провёл Марка по небольшим комнаткам, где располагалось медицинское оборудование, по большей части закрытое в стеклянных шкафчиках. Было даже небольшое хирургическое отделение, но непонятно, для кого всё это предназначалось. Для лагерной охраны и администрации или для пленных тоже? В конце осмотра он пригласил Марка присесть за стол, достал склянку со спиртом, кусок колбасы и белую булку. Такую Марк помнил с довоенных времён. Спирт не разбавили водой, выпили за знакомство не чокаясь, а уж потом запили. Гауптман, назвавшийся Фридрихом Беббером, гостеприимно предложил угощаться. Марк еле сдержал себя, чтобы не наброситься на еду. Он дождался, пока гауптман сам нарежет колбасу и булку, и постарался брать всё аккуратно и в небольших количествах, чтобы не вызвать недовольствие хозяина. Беббер знал несколько слов по-русски, что и продемонстрировал. Марк тоже помнил немного немецкий ещё со школьной скамьи. Несколькими словами он пополнил свой лексикон во время дружбы с Ольгой, но сама она стесняясь старалась говорить по-русски.

Марк вышел после встречи с Беббером слегка пошатываясь от выпитого спиртного. Беббер произвёл на него приятное впечатление, чистый и аккуратный, с умом старающийся оборудовать свою амбулаторию. Таким и должен быть настоящий врач. Если бы не обстоятельства, сведшие вместе Марка и Беббера, то Марк вполне мог бы гордиться дружбой с таким человеком.

На Беббера Марк тоже произвёл хорошее впечатление. Отмывшийся и немного окрепший на дополнительной пайке Марк выглядел намного лучше, чем те грязные и небритые пленные, которые стояли в очереди в ожидании осмотра. Беббер с удивлением отметил, что среди русских встречаются вполне достойные люди. Он уже успел убедиться, что Марк действительно достойный его коллега, во время инспекций в зону осмотра.

С этого дня у них установились если не дружеские, то вполне доброжелательные рабочие отношения, в которых Беббер был несомненно главным. Но и Марк, признавший в нём авторитетного грамотного врача, был согласен с дополнительными мерами дезинфекции в создаваемом для пленных бараке. Было ли виной Беббера его появление в СССР в столь неожиданном качестве? Марк не раз задавал себе этот вопрос. Ведь вполне могло быть и по-другому, Беббер мог быть пленным, а Марк как врач мог командовать таким лагерем, будучи в его должности. Как бы он сам тогда относился к Бебберу? Да, тот был врагом, и его следовало уничтожить, как и любого вражеского солдата, но ненависти именно к Бебберу Марк не испытывал, более того, представься случай его убить, Марк не стал бы этого делать. Врачи должны быть вне военных действий, ведь настоящий врач оказывает помощь не только своим бойцам, но и солдатам противника. Ещё куча философских вопросов сопровождали его по пути в свою комнату. Разумеется, все его соседи учуяли запах спиртного, исходящий от Марка. И для них это было неплохим знаком, Марк был их непосредственным начальником, а коль скоро у начальника хорошие отношения с вышестоящим начальством, то и они могли чувствовать себя более защищёнными. Правда, от любви до ненависти один шаг, но всё равно это давало хоть какую-то передышку. Никто из пленных на данном этапе не знал и не понимал, как ему следует себя вести. Нужно ли принять новую власть и новый порядок или пытаться найти в себе силы подняться на борьбу? Для начала следовало выжить, это понимали все. И каждый раз, когда расстреливали кого-то другого, даже не мысль о сочувствии мелькала в головах, а просто маленькая подленькая радость: пока я жив, хоть до завтра, но дотяну.

Но уже разные разговоры ходили по бараку, люди начинали кучковаться и сторониться чужаков. Да и откровенничали только с очень узким кругом, боялись шептунов и предателей, помня и собственный советский опыт доносительства. Люди, выходящие на работу, видели разбитый город, который им приходилось вычищать от обломков прошлой мирной жизни. Видели угрюмые лица прохожих, теперь уже не улыбнётся тебе встречающая девушка, как бывало до войны. Она и сама опутана паутиной собственных страхов, да и сам ты кто такой? Ободраный, небритый пленный солдат, которого в любую минуту может лишить жизни и чести любой охранник, даже тот, кто ещё вчера мог считаться своим, сегодня, нацепив белую повязку, становится твоим личным врагом. Иногда более беспощадным, чем вражеские солдаты.

Шли однообразные дни. Марк со своими людьми по-прежнему занимался осмотром, только выделили для этой цели уже целый сарай, установив в нём вторую дверь и даже подведя электричество. Осенняя прохлада вносила свои коррективы. Люди втянулись в новую суровую жизнь, у прошедших первый отборочный уровень появились надежда и какая-то минимальная стабильность, пусть и состоящая из скудного рациона и голых нар в бараке. Но зато выстрелы, все также доносившиеся от расстрельного рва, уже не отзывались уколами в сердце, как это было в первые дни. Люди продолжали жить и выживать, они отчаянно боролись за лучшее место у нар, за право получить хлебную корочку, т. к. издавна считалось, что она больше обычного куска. Проснувшийся утром мог не обнаружить свои сапоги или ботинки, если они приглянулись кому-то. Разыскать их в утренней спешке перед выходом на работу было невозможно, и оставалось либо схватить то, что валялось бесхозным, либо опоздать на развод и перекличку, что сулило большие неприятности, вплоть до расстрела перед строем. Перепачканные за дневную смену ботинки становились неузнаваемыми, а если кто-то всё же был уверен, что нашёл именно свою обувь, в бараке немедленно возникала потасовка. Бились не на жизнь, а на смерть, словно и не были когда-то гражданами одной великой страны, где человек

человеку товарищ, друг и брат. А ещё бились почти молча, т. к. нагрянувшая охрана могла поставить к стенке зачинщиков драки, а с ними заодно и тех, кто попал под горячую руку. Поэтому сильно шумящих драчунов могли придушить и свои. Иногда случались и словесные перепалки, грозящие вылиться в очередную драку. В непримиримом идеологическом споре сходились сторонники и противники советской власти.

– А где твой сука Сталин был, когда немцев проморгали? Я, что ли, Верховный главнокомандующий?

– Не смей, скотина, даже имени этого касаться! Ты и мизинца его не стоишь!

– А он и ногтя с моего мизинца не стоит!

– Ах ты гад!

– Вот вернутся наши, посмотрим, как ты запоёшь!

– А точно также, как и ты! Все мы здесь предатели советской власти и пособники врага!

– Верно! Коли не подошли, значит, враги!

– Да чтоб они сдохли, коммуняки эти! Из-за них все беды!

– Неправда! Если бы все вместе Сталину плечо подставили, ничего бы этого не было! Как он может за всем уследить, коли вокруг враги!

– А кто ему виноват, что его вокруг все ненавидят! Поубивал миллион да ещё миллион голодом сморил, кто ж его теперь любить должен!

– Он правильно поступал с врагами революции! Мы же тоже предателям в спину стреляли!

– Эка куда хватил! Стреляли, пока сами предателями не стали! И что теперь? Нужны мы советской власти?

– Нельзя сдаваться, товарищи! Нужно налаживать борьбу!

– Ты бы поостерёгся, вот так вот публично на борьбу призывай. Неровён час и на себя беду накличешь, да и остальные через тебя пострадать могут. Чай и так не на курорте!

Случалось и так, что после утренней поверки и развода несколько говорунов оставались на месте. Вернувшиеся после рабочего дня пленные больше никогда их не видели. А временами, когда раздавали пайку, некоторые из пленных не пытались протиснуться без очереди, чтоб наверняка хватило хлеба и побыстрее откусить кусочек от заветной порции. Они не спеша брали свой хлеб и меняли его на остатки табака или на ботинки получше. А глаза их совсем не напоминали глаза голодного человека.

На счастье Марка, ему не приходилось больше ночевать в общем бараке, и попадал он туда только для проверки санитарного состояния, да и то в основном в отсутствие его обитателей.

Поток новых пленных понемногу уменьшался, и в освободившееся время Марк принимал в одной из комнаток амбулатории тех пленных, кому требовалась помощь. Прослышав про возможность попасть к врачу на приём, в амбулаторию вытягивалась очередь. Несколько раз её даже разгоняли охрана и добровольные помощники. Поначалу Марк мало чем мог помочь, поскольку в его распоряжении не было ни медикаментов, ни возможности дать освобождение от тяжёлого труда. Но постепенно положение дел изменилось, и помог в этом Беббер. Марк объяснил ему через Ольгу, что те пленные, которые плохо себя чувствуют, иногда просто нуждаются в небольшой передышке. Он обратил внимание Беббера на рацион пленных и его количество. Как врач Беббер согласился, что при таком рационе долго и самые здоровые не протянут. Таким образом, после согласования с комендантом Беббер принёс ему весть, что отныне Марк может давать освобождения от работы на один-два дня без одобрения Беббера, а если возникнет более серьёзный случай, то необходимо получить его слово.

Переводившая Марку ответ коменданта Ольга в конце бросила ему фразу:

– Михаил Николаевич, – с подчёркнутым нажимом произнесла она, – вы бы не сильно увлекались выдачей больничных. Переусердствуете – и сами пойдёте вместо них работать Вы о

них заботитесь, а они на вас доносы строчат. Будьте аккуратней, имейте ввиду, что я не смогу вам помочь, если за вас возьмутся наши офицеры безопасности.

После предупреждения Ольги Марк стал более осторожным, ведь его положение осложнялось по сравнению с любым пленным ещё и его национальностью. Возьмись за него офицеры безопасности, шансов выйти с допросов живым у него не будет.

Глава 7

Посещение гетто

Иногда Марку доводилось видеть Ольгу, идущую с папкой по территории лагеря. Несколько раз она шла в сопровождении начальника охраны лагеря, обер-лейтенанта Густава Клейста, довольно крепкого мужчины около тридцати лет с прекрасной выправкой. Появление на плацу Клейста во время построения сулило только неприятности. Пленные уже успели ощутить на себе его грубость и скверный характер. На Клейста нельзя было смотреть иначе, чем с подбострастием. За любую провинность, дерзкий взгляд, опоздание на построение, плохую работу, драки и воровство виновные несли суровые наказания, вплоть до немедленного расстрела. Марк стоял на плацу со всеми, несколько раз Клейст, проходя мимо него, останавливался и внимательно смотрел в упор. Марк опускал глаза, но продолжал чувствовать на себе сверлящий, неприятный, тяжёлый взгляд. Тот словно бы чувствовал, что Марку есть что скрывать от него. Несколько раз Клейст, судя по всему, хотел что-то сказать Марку, но переводил взгляд на его повязку и шёл дальше. Все в лагере знали, кто такой Михаил Николаевич, по настоянию Беббера Марк вёл все осмотры и приёмы в белом халате, а не обратить внимание на доктора в форменной одежде было просто невозможно. Иногда они с Беббером задерживались вдвоём в амбулатории, и Беббер угощал Марка. Они сидели вместе за столом, победитель и побеждённый, и пытались беседовать с помощью нескольких слов и фраз, выученных каждым из чужого для него языка. Руки принимали в разговоре самое непосредственное участие. Однажды один из охранников, направляющийся в амбулаторию за таблеткой от головной боли, увидев, как беседуют Беббер и Марк, отчаянно жестикулируя, считая, что Бебберу угрожает опасность, ворвался, наставив на Марка ружьё. Беббер со смехом что-то говорил охраннику, показывая на Марка. Из всего сказанного Марк понял только «рус гут». Охранник успокоился, забрал свою таблетку и удалился. Иногда Беббер делал несложные операции, и Марк всегда ему ассистировал. Это было хорошо и для самого Марка. Разумеется, в экстремальных условиях любой терапевт мог взять скальпель в руки и сделать нужные надрезы, произвести маленькую операцию и зашить рану. Но со времени окончания института у Марка не было практики, да и на последнем курсе он даже не прикасался к скальпелю, а сейчас, в военное время, такое умение не могло быть лишним – никто не знал, что ждало его в будущем. Беббер был хорошим специалистом, и Марк с удовольствием учился у него. Вскоре Марк под присмотром ассистировавшего ему Беббера уже делал небольшие операции пленным, повредившим конечности или получившим глубокие порезы. Полостные операции Беббер ему не доверял, но Марк и сам понимал, что опыта у него для подобного маловато. Тем не менее после учёбы у Беббера он чувствовал себя довольно уверенно, спокойно подходя к хирургическому столу. Приходили на приём в амбулаторию и местные жители, в основном из числа семей сотрудничавших с немцами местных жителей. От них Марк слышал, что немцы на подступах к Москве и к Новому Году планируют занять столицу и закончить войну. Этими сведениями Марк был весьма обеспокоен, т. к. мать и сестра проживали к тому времени в Москве. Он очень скучал по обеим и по довоенной жизни тоже. Но всё это было далеко и недостижимо; чтобы выжить, нужно жить сегодняшним днём.

Однажды Беббер сказал, что его пригласили посетить гетто, чтобы дать консультацию по санитарному вопросу. Он позвал Марка отправиться с ним. Это не было приказом, просто Бебберу хотелось получить ещё одно мнение понимающего человека. Ольга отправилась с ними в качестве переводчицы.

Они шли по незнакомому для Марка Гомелю. Это был его первый выход из Дулага. Ему даже не верилось, что можно идти по настоящим улицам, а не перебегать между бараками,

местом, где он проводил осмотры, и амбулаторией, постоянно вращаясь на одном и том же пяточке, видя одни и те же угрюмые небритые лица в грязных гимнастёрках и телогрейках, разбитые пыльные ботинки и злые голодные взгляды. И там, в Дулаге, ему постоянно приходилось вытягиваться перед каждым охранником. Здесь же он шёл спокойно рядом с Беббером и Ольгой. Иногда Беббер что-то спрашивал, и Ольга переводила. Марк отвечал, и они какое-то время шли молча. Марк жадно впитывал картинки почти свободной жизни. Конечно же, чувствовалось, что город совсем недавно испытал на себе всю тяжесть боёв, некоторые здания были основательно повреждены. Среди людей, копошащихся на разборе разрушений, они даже узнали несколько бригад из Дулага. Тяжело работавшие люди провожали Марка завистливо-недобрыми взглядами. Марк старался не смотреть лишней раз в их сторону. И так обсуждение его выхода было неизбежным, а пристальный обмен взглядами мог спровоцировать лишней взрыв эмоций.

Навстречу попадались патрулирующие город солдаты, переходящие всякий раз на строевой шаг и скидывающие руку в нацистском приветствии при приближении к их тройке. Разумеется, их приветствие ни в коей мере не было адресовано Марку, одетому так же, как и остальные военнопленные, разве что чуть почище. Беббер небрежно поднимал руку в ответ, однако, когда им встречались офицеры, он подтягивался, шаг становился чётче и руку скидывал так же, как солдаты. Ольга всегда поднимала руку в приветствии одинаково, не делая различия перед проходящими. Марку приходилось каждый раз вставать по стойке смирно. На всём пути следования до гетто никто из немецких военнослужащих, встретившихся им по пути, не спросил ничего о Марке.

Проходили и гражданские, в их глазах Марк не читал затаённого взгляда запуганного, загнанного зверя. Они шли спокойно, предъявляя по мере надобности документы патрулям. Видимо, в городе остались только те, чью лояльность новая администрация признавала, а значит, обеим сторонам не было необходимости опасаться встречи. К тем, кто предъявлял правильно оформленные документы, отношение патруля было вполне нормальным и даже в чём-то доброжелательным. Но если документ или личность проверяемого вызывали подозрения, на лицах патрульных исчезало добродушное выражение, и теперь напротив проверяемого стояли верные солдаты Рейха. Одного неверного движения достаточно, чтобы быть продырявленным. Иногда шли, взявшись под ручку, пары. Марк подумал, что когда-то, ещё в прошлой жизни, они с Ольгой вот так же гуляли по Саратову, взявшись за руки. Сегодня это было уже невозможно. Его бывшая возлюбленная шла рядом абсолютно чужим человеком, к тому же облачённым пусть в элегантную, чёрную, но всё же форму вражеской армии.

Жизнь за воротами Дулага шла своим чередом и для кого-то была вполне сносной. Наверняка большинство встреченных ими людей и не подозревали, в каком положении находятся узники Дулага. Для гражданских война уже закончилась, и они в ней не участвовали. Они пережили свои ужасы в бомбардировках, после вступления германской армии в город. Для тех, кто прошёл фильтры нового порядка и не был евреем, цыганом, комиссаром или офицером Красной армии, наступило даже какое-то облегчение. Новая власть, желающая приобрести расположение местного населения, вела себя довольно мирно, по крайней мере, в первое время. А загадывать надолго было непростым занятием, кому-то уже казалось, что немцы пришли всерьёз и надолго. Для этого были все основания – сводки с фронтов.

Женщины оставались женщинами при любой власти, им нужно было выглядеть достойно, несмотря ни на какие обстоятельства. Вошедшие в город германские солдаты и офицеры выглядели галантными кавалерами, этакими спустившимися с небес европейскими небожителями, на которых следовало произвести самое благоприятное впечатление. В ход шли и шёлковые чулочки, и яркая помада, и шляпки с вуалью. Всё это было одобрено, замечено и сопровождалось иногда более чем непристойными взглядами. И первые контакты между двумя мирами уже завязывались, и состоялись первые встречи за бутылочкой шнапса и мест-

ными блюдами, старательно приготовленными жаждущими любви и благосклонности хозяйками. Тут и сытный белорусский журек, наваристый кисловатый суп, чуть ли не единственное блюдо, приготовленное без картофеля. А драники, прожаренные до хруста на свином сале, огненно-горячие, есть которые хотелось без конца, такими вкусными они были. А свиные шкварки с жареной картошкой – это же просто объедение и отличная закуска к шнапсу. А если шнапс заканчивался, в ход шли белорусские напитки, которые могли поспорить в крепости со шнапсом, а некоторые однозначно выигрывали в номинации вкусовых ощущений. К тому же воспитанная дама не будет напиваться с солдатами оккупационной армии грубым шнапсом, а предпочтёт более аристократический напиток. Поэтому доставались из довоенных запасов различные специи и готовились сбитни и крембабули, а уж смородиновой наливкой любая женщина могла поддержать компанию и не быть уличённой в том, что пропустила какой-то важный тост. А яблочная хоть и напоминала иной раз по вкусу компот, запросто могла ударить в голову или по ногам не хуже вражеской шрапнели.

А клюковка вообще была как крупнокалиберное орудие, снося голову одним двухсотграммовым снарядом. А ведь пьётся как сок, выжатый ради витаминов заботливой мамашей своему малому ребячёнку. Так и набирались солдаты-победители витаминного напитка, забыв после пары стаканов, зачем, собственно, наведались в гости к прекрасной даме. А утром, не понимая местных лечебных напитков, глупо отказывались от ядрёного рассола, пытались снять похмелье какой-нибудь яблочной наливкой или мятным ликёром. Да куда там, уж лучше журека похлевать. Так и пытались понять этот странный Восток, с его обычаями и устоями, видя перед собой людей низшего сорта.

Но когда Марк и сопровождающие подошли к воротам гетто, мысли о гражданской сытой жизни, в которой присутствовали куриные супчики, рассольники или наваристые щи под бутылочку водки, моментально улетучились. Яркие краски вольной жизни растаяли, смазанные грубой кистью неумелого художника, нанёсшего на полотно резкие мазки серого цвета. И только предупредительный щит на входе ярко выделялся нарисованной на нём жёлтой шестиугольной звездой и такой же жёлтой надписью: «Гетто» под ней. Несколько человек с нашитыми на груди жёлтыми звёздами стояли перед патрульными. Марк впервые увидел, как выглядят люди с нашитыми звёздами. Сердце неприятно сжалось и стало биться быстрее. Он вглядывался в эти лица, в которых легко угадывались типичные черты пришедшего с Востока народа. Сейчас эти лица были безрадостно серыми, даже звуки праздничного фрейлехса не смогли бы зажечь в них улыбки и желание покрасоваться в весёлом танце.

Марк и его спутники остановились у входа. Беббер сказал что-то патрульному, и тот стал крутить рычажок телефона. Вскоре подошёл офицер, поприветствовал Беббера и Ольгу, они объяснили ему цель визита. Он вызвался лично сопровождать Беббера, предварительно вопросительно указав на Марка, но получил ответ, удовлетворенно кивнул головой, и они вошли вовнутрь. Вопреки ожиданиям, на улицах гетто было большое количество народа, попадались даже конные повозки. Люди куда-то спешили по своим делам. Они прошли дальше, и на улице стали встречаться лежащие вдоль дороги в разных позах трупы. Это были останки людей разных возрастов, но, заглянув в их лица, можно было увидеть одну общую особенность. Это были лица очень истощённых людей. Марк заметил, что спешащие люди на самом деле шли не очень быстрым шагом. Он посмотрел на их походку – так ходят обессиленные люди. Двое мужчин тянули большую телегу, встав на место лошади, ещё двое подталкивали её сзади. Они остановились у одного из трупов и стали медленно поднимать его, чтобы загрузить на телегу. Им почти удалось, но труп выскользнул из их ослабших рук и со стуком упал на мостовую. Офицер, сопровождавший Марка, Беббера и Ольгу, что-то грубо закричал, достал из кобуры пистолет и навёл на них. Они стали вновь тянуть тело в телегу, на этот раз их усилия увенчались успехом. Они закинули тело и покатали потащили телегу дальше. Офицер вернул пистолет в кобуру. Ольга шепнула Марку, чтобы не отходил от неё ни на шаг.

Люди, встречавшиеся на пути, останавливались и с поклоном снимали перед ними головные уборы. Марку было стыдно, что его приветствовали так же, как и остальных. Ему хотелось закричать во весь голос, что он свой, но, разумеется, он не сделал этого. Разве он мог бы помочь своим отчаянным поступком этим бедолагам? И он шёл дальше за Беббером и вторым офицером. Район гетто занимал несколько кварталов. Пожалуй, никогда в жизни Марк не видел столько своих соплеменников, собранных в одном месте. Их провожали разными взглядами. Кто-то смотрел с подобострастием, как и надлежало смотреть на начальство, от которого зависит твоя жизнь, кто-то с любопытством, особенно непонятно, видимо, обитателям гетто было, что именно делает в компании этих чистых господ в чёрной форме человек в явно советском мундире, без погон, в больших стоптанных ботинках. Марк не в силах был смотреть им в глаза. Он уже слышал разговоры о том, что немцы убивают евреев, и даже был свидетелем расстрелов в Дулаге, но тогда это были солдаты и офицеры вражеской армии, которых тоже, разумеется, было жалко. Но сейчас на улице он не видел ни единого человека призывного возраста. Это были по большей части пожилые люди или дети, провожавшие их голодными взглядами. Но запах смерти уже лез в ноздри и обжигал до самых лёгких. Он забирался в печень, желудок, селезёнку, наполняя организм чужеродной субстанцией. А она заползала за воротник, тихим ужасом спускаясь всё ниже и ниже, леденя спину, плечи и руки, и стекала ещё ниже, прямо в башмаки шаркающих по мостовой людей.

И тут Марк услышал ещё один звук, режущий уши; он понял, что мешало ему со времени входа в гетто. Эти люди не поднимали ноги, они их волочили, и общий гул шарканья тупой пилой вонзался в черепную коробку. Хотелось заткнуть уши и закричать, чтобы люди прекратили шаркать и начали поднимать ноги. Ему хотелось кинуться к ним, хватать их за лацканы затёртых пальто и кричать. Но как только он столкнулся с первыми взглядами шаркающих людей, он понял, что даже сопровождавшему офицеру не удалось бы заставить их перестать шаркать. Чем он мог напугать этих обречённых? Разве что отнять у них несколько дней, вычеркнув их из очереди наполненных страданиями? Какая разница, каким шагом идти навстречу своей смерти? Выйти отсюда живыми эти люди уже не мечтали, и их обречённость сквозила во всём. И в этом непрерывном шарканьи и в согбенности, а особенно в чёрных еврейских глазах, так сильно выпученных на осунувшихся, исхудавших лицах, была готовность принять свою судьбу.

Офицер завёл их в какой-то двор, видимо, типичный по своему санитарному состоянию для этого гетто. Как оказалось позже, всего в Гомеле их было четыре, но этого Марк не знал, также как не знал и названия того, в котором они были сейчас.

В нос ударили неприятные запахи. Пройдя немного вовнутрь, они увидели, что зловонная жижа вытекала из переполненной ямы под деревянным туалетом. Лишённые другого места для оправления своих надобностей, жители двора продолжали ходить в это выкрашенное грязнозелёной краской покосившееся сооружение. И ведра с помоями выливали тут же, даже не заходя в кабинку. Лили прямо в лужу, отчего та растекалась и расплзалась так быстро, оставляя для прохода лишь небольшие тропки. На покосившейся террасе, на плохо натянутых, провисших под большой тяжестью верёвках сушилось большое количество постиранного белья. Пожилая женщина сидела на ступеньках, сложив руки на коленях и опустив книзу голову, повязанную чёрным платком. И весь её траурный вид говорил о том, что она уже готова к переселению в иной мир и только ждёт своего часа. Она даже не подняла голову на вошедших, возможно, она просто не слышала, как они разговаривали рядом с ней. Или ей было уже всё равно. Как бы то ни было, сопровождающий офицер, которого Беббер время от времени называл Гансом, не стал кричать на старуху и угрожать ей пистолетом, понимая всю бесполезность потраченного на неё времени.

Марк посмотрел вокруг. Двор состоял из двух двухэтажных домов и отдельно стоящего сарая с двумя входами. Двери сарая были открыты настежь, и время от времени из них выхо-

дили люди и вновь скрывались в глубине, чтобы не попасть на глаза непрошенным гостям. Две женщины хлопотали возле примуса, на котором стояла большая кастрюля с водой. Марк подошёл поближе, желая заглянуть в миски, чтобы увидеть, чем они заваривают свою еду. Несколько вялых картофелин, которые на мелкие части крошила одна из них, а вторая взбивала в своей миске небольшое количество муки, добавляя ещё что-то, делавшее массу в миске буро-коричневой. Больше ничего Марк не разглядел, и ещё одна догадка пронзила его: у них больше ничего не было! Маленькие кусочки нескольких вялых картофелин и какое-то подобие клёцок из этой буро-коричневой массы – это было всё, чем жители этого двора могли заправить свою еду. Марк ещё представил, как такие же старухи, как та, что не двигаясь сидела на ступеньках, и мужчины, что толкали телегу и грузили трупы, и оборванные дети – все они стоят в очереди за ложкой этой похлёбки. Ему стало стыдно за выпитый с Биббером спирт и съеденные белые булки с салом и ветчиной. Пленных Дулага тоже кормили отвратительно, но хоть как-то стабильно и лучше.

– Господа офицеры спрашивают, что ты думаешь о санитарном состоянии этого двора?

Голос Ольги вывел его из оцепенения. Он совсем забылся, а между тем его привели сюда как врача, и сейчас он скажет им, что так содержать людей нельзя, в этой вони и в этом голоде, иначе здесь вспыхнут различные инфекции и недалеко до эпидемии. И он начал говорить, а Ольга переводила. Он объяснял, что нужно очистить выгребную яму, улучшить питание, при этом он показывал на женщин у примуса и полупустые миски перед ними. А ещё нужно произвести дезинфекцию и санитарную обработку, и он лично готов всё это делать со своими фельдшерами. Они смотрели и слушали, а когда Ольга перевела последнюю фразу, Ганс посмотрел на Биббера и сказал что-то, обращаясь к нему, словно Марк был пустым местом. Слова, которые перевела ему Ольга, застучали у него в мозгу.

– Не стоит так уж сильно стараться ради этих юде. Через месяц, от силы два, это гетто будет ликвидировано со всеми обитателями. Нужно всего лишь предотвратить вспышку эпидемий на этот отрезок времени.

Кровь прилила к лицу Марка, и оно стало пунцовым от напряжения. Он представил на мгновение стоящими на краю расстрельной ямы обитателей двора, и ему захотелось броситься на Ганса с кулаками, бить его по холёной роже, вцепиться зубами в его горло и сжимать до тех пор, пока он не перестанет двигаться. В себя его привёл голос Биббера.

– Миша, вас ист лос? Ист дир шлехт?

– Господин Биббер спрашивает, что с тобой, тебе плохо?

– Я... я уже в порядке. Немножко задохнулся от вони.

– Мы будем ждать тебя на улице, а ты постарайся прикинуть, сколько хлорной извести нужно на такой двор, чтобы не было эпидемии.

Марк остался наедине с обитателями двора. Он медленно обходил двор, пытаясь сообразить, сколько же нужно высыпать хлорной извести, чтобы не было заразы, представляя при этом, как она будет выедать им глаза. Марк старался не смотреть на этих женщин, ему нечего было им сказать, даже нечем было их приободрить. И ещё он представил себя катящего по дороге гетто телегу с телами. А ведь скажи Ольга слово, и он тоже может оказаться здесь, и тогда ему тоже останется жить месяц или два. Представив себя на краю расстрельного рва рядом с этими женщинами и старухой, Марк испытал чувство настоящего страха. Он проник во все клеточки тела и парализовал волю. Он с трудом заставил себя закончить осмотр двора и с трясущимися руками задыхаясь выскочил наружу. Увидев его, Ганс махнул рукой, призывая следовать за ними, и группа двинулась дальше.

Они шли по краю гетто, там, где за забором из колючей проволоки, если не бурлила, то вполне мирно и спокойно текла другая жизнь, та в которой не было трупов на мостовой и людей в затрёпанной и дырявой одежде, та, в которой можно было, вернувшись домой, просто сходить в незагаженный туалет, помыть руки с мылом и поесть. И эта мелочь, на которую в обычной

мирной жизни никто, пожалуй, и внимания не обращал, была просто недоступна обитателям гетто. На заборе из колючей проволоки висел плакат: «Предупреждение! В пролезающих через забор будут стрелять!»

Около одного из домов, подставив бледные исхудавшие лица под остатки осеннего тепла, сидели двое детей, мальчик лет шести и девочка чуть помладше. Мальчик был одет в осеннее пальто с длинными рукавами, порванные на коленках штаны и разбитые башмаки, перевязанные несколько раз тесьмой. На девочке была грязная вязаная кофта, явно принадлежащая взрослому члену семьи, гамаши с прорехами и большие галоши на босу ногу. Они молча проводили идущих взглядами затравленных зверьков. Налицо было явное истощение. Марк шёл последним. Когда он поравнялся с мальчиком, тот протянул просительно руку, словно нищий на паперти. Марку было стыдно, что он ничего не может положить в грязную детскую ручку, и он прибавил шаг, чтобы побыстрее избавиться от этого сверлящего взгляда.

Они подошли к зданию, которое раньше, видимо, было школой или другим учебным заведением. Здесь ситуация была ещё хуже. Во дворе была целая гора отходов человеческого организма. И на их глазах со второго этажа на вершину этой горы выплеснули ещё пару вёдер с таким же содержимым. Марк подумал, что будь это летом, то мухи, почти наверняка разнесли бы заразу, и тогда действительно могла вспыхнуть эпидемия. Его опять оставили одного, чтобы обойти здание по периметру и прикинуть объём, необходимый для дезинфекции. Марк обошёл здание. Его состояние было удручающим, стёкла почти везде выбиты. Он вспомнил, как ещё совсем недавно сам ночевал под открытым небом, а иногда и под первыми осенними дождями. Но сейчас было уже холодней, и обитателям этого здания явно приходилось несладко в продуваемом помещении, к тому же наверняка заполненном запахами, исходящими от этой огромной пирамиды испражнений.

Они двинулись дальше и подошли к ещё одним воротам, через которые входили на территорию гетто люди с тюками и сумками. У всех были нашиты на одежду желтые звёзды. Охранники выборочно выдёргивали из толпы кого-то, кто вызывал их любопытство, или того, над кем хотелось поиздеваться. Его вещи безжалостно вытряхивались прямо на землю, человек обыскивался и пинками и ударами прикладов прогонялся прочь, не имея возможности поднять даже то небольшое, что он нёс с собой. На глазах у Марка охранник выстрелил в мужчину, который, по его мнению, недостаточно быстро реагировал на окрик: «Шнель»! Женщина, шедшая рядом с мужчиной, с криком бросилась к распростёртому на земле телу. Второй выстрел соединил тех, что прошли вместе свой путь от встречи и до его окончания у ворот гетто. Испуганная толпа прибавила шаг, стараясь не смотреть на тела и охранников. Ганс вообще никак не отреагировал на происходящее, видимо, эта картина была для него привычной. Беббер тоже не выказывал никаких признаков неудовольствия. Лицо Ольги было белым, губы сжаты, понять, о чём она думала в этот момент, было невозможно. Марк был поражён той лёгкости, с которой лишили жизни этих двух людей. Даже при всём понимании того, что жить им оставалось не так много, эта смерть выглядела бессмысленно жестокой.

Они шли дальше по улице, время от времени Марк обходил указанную территорию и делал прикидку на количество хлорной извести. И всё это время он думал о том, как же должен выглядеть ад после того, что он видел в гетто. А может быть, ад уже покажется здешним обитателям раем, прекратившим их мучения?

У одного здания стояла длинная очередь людей с вёдрами и котелками в руках. Они подавали свою посуду в открытое окошко первого этажа, и оттуда им возвращали её назад, налив внутрь что-то половником на длинной ручке. Люди стояли терпеливо, никто не толкался и не лез без очереди. Возле окошка раздачи стоял мужчина лет семидесяти в ермолке и помогал поднимать вёдра и котелки тем, кто был не в состоянии это сделать самостоятельно. Получивший еду счастливец уходил от окошка медленно, чтобы не расплескать драгоценную жидкость. Девочка лет четырнадцати подала небольшое ведёрко, женщина на раздаче сделала два

движения рукой с половником, отпуская положенную ей порцию. Марк смотрел на картин – ку, которая как в страшном сне прокручивалась в его мозгу ещё десятки и сотни раз. Вот детские худые руки тянутся к окошку, чтобы принять ведёрко. Вот мужчина помогает девочке взяться за дужку. И наконец ведро, которое ослабевшие руки удержать не смогли, выскальзывается и летит вниз. Содержимое ведра выплёскивается на девочку и на землю. Девочка в ужасе смотрит на мужчину, тот смущённо разводит руки в стороны – он ничем не может ей помочь, в очереди ещё сотня не менее голодных и обессиленных. Девочка опускается на колени и пытается горстями собрать то, что ещё не успела впитать земля. Марк в ужасе проходит мимо, он может только представить себе, что это значит для её семьи.

Они заходят ещё в один двор, где Марка опять оставляют для подсчётов. Ему уже давно вручили лист бумаги и карандаш. Он записывает адрес и количество мешков. К нему подходит исхудавшая пожилая женщина, судя по выражению лица, тронувшаяся умом, и начинает наседать на него с кулаками.

– Что ты делаешь здесь, мерзавец! Ты убил моего сына и Марусеньку! Зачем ты пришёл опять? Ты хочешь всех нас убить! Вон отсюда! Вон!

И она начинает бить его с размаха по лицу, по груди. Удары несильные, но женщина не успокаивается, несмотря на то, что Марк говорит с ней по-русски, убеждая её прекратить. Она ведь в чём-то права, он ведь знает, что жить им всем осталось не более двух месяцев, и пришёл сюда, чтобы помочь их убийцам. Что? Что он может сделать для этих несчастных? Он сам пленный, не попавший в их компанию только потому, что Ольга решила его не выдавать. Одно неверное движение – и ему жить останется ещё меньше, чем этим бедолагам. Женщина пытается вцепиться ему в горло длинными костлявыми руками. Марк пытается отодвинуть от себя её руки, но она оказывается неожиданно сильной, может быть, от отчаяния она вложила все остатки своих сил в эту атаку. Её безумные глаза прямо напротив его лица, а из плохо пахнущего рта с несколькими жёлтыми зубами с шипением и проклятиями прямо в лицо Марку брызжет слюна. Внезапный звук выстрела прерывает эту сцену, старуха сползает на землю, продолжая по инерции ещё несколько мгновений удерживать Марка за одежду. Возле её уха Марк видит входное пулевое отверстие, а на своём лице чувствует горячие брызги. Он поворачивается и видит Ганса, вкладывающего пистолет в кобуру. Ганс явно доволен своим выстрелом: Марк не задет, помеха устранена, значит, можно продолжать выполнять задание. Беббер медленно и методично аплодирует Гансу, Ольга стоит, не в силах вымолвить ни слова. Старуха замерла на земле, а Ганс делает Марку знак продолжать работу, как будто ничего не случилось. Да и что, собственно, произошло? Ганс здесь для того и находится, чтобы очищать, по указанию фюрера, захваченные земли от евреев. Он даже не в состоянии вспомнить, скольких из них он убил лично, да и какое это имеет значение, ведь впереди ещё столько работы, всё равно он собьётся со счёта. Вот ещё одной мерзкой жидовкой на земле стало меньше. Нет, они не приходят к нему по ночам, спит Ганс крепко, ему нужны силы, чтобы на совесть выполнять свою работу. Стоит ли забивать голову такими мелочами, как важность жизней этих напуганных, плохо пахнущих жидов. Может быть, какие-нибудь профессора и важны для человечества, но здесь, в этом диком краю, только полуграмотные обыватели, какую они могут представлять из себя ценность? А снится ему его красавица жена и двое ребятишек, индейка на рождество и штрудель, так вкусно приготовленный его Герлиндой. Скорее выполнить свою работу по очистке земли от жидов и вернуться в сладострастные объятия Герлинды. Её объятия такие же сладкие, как и штрудель, а он, Ганс, знает в этом толк. А местные женщины, хоть и пытаются строить из себя дам полусвета, но дурно пахнут подмышками и мало что понимают в любви, слишком зажаты и плохо объезжены своими грубыми мужчинами.

Марк заканчивает работу, и они выходят со двора. За всё это время к старухе никто не подошёл. Может быть, у неё никого уже не осталось, ведь кричала же она Марку, что он убил её сына и Марусеньку. Хотя её сын наверняка должен был быть призванным в армию. А может,

он непригоден из-за плоскостопия или очков с толстыми линзами? А кто такая Марусенька, дочь или внучка? А может быть, люди в этом дворе рады, что избавились от крикливой сумасшедшей? У Марка много вопросов, на которые нет ответов.

Две женщины, оставив свои дела, с трудом тянут и волокут по земле тело старухи. Они останавливаются, чтобы передохнуть, и снова продолжают свою работу. Они выволакивают её за ворота и бросают прямо напротив калитки, не имея больше сил сдвинуть её ещё хотя бы на сантиметр. Ольга протягивает ему белоснежный носовой платок и говорит, чтобы он вытер лицо. Марк, плохо соображая, протягивает ей назад платок с пятнами крови. Ольга отрицательно качает головой, Марк спохватывается, оглядывается вокруг в поисках урны и, вспомнив, где он, бросает платок на мостовую. Люди продолжают кланяться им, а Марк старается не смотреть им в глаза. Он выбит из колеи, похоже, что Ольга тоже не в восторге от происходящего. Ганс и Беббер мило беседуют, идя чуть впереди них. Ольга хочет что-то сказать, но не решается, они так и идут молча. На одном углу женщина лет тридцати, страшно измождённая, качает на руках младенца. Она сидит на тротуаре, и младенец, видимо, мёртв. Но она никак не может с ним расстаться. Ещё двое детей дошкольного возраста сидят, вцепившись в её пальто. Люди проходят мимо, занятые своими делами, никто не подходит и не говорит ей, что сидеть на мостовой вредно, можно простудиться и простудить маленьких детей. А её саму это обстоятельство, судя по всему, нисколько не волнует.

На улице множество стариков с пейсами и в чёрных лапсердаках. Марк никогда в жизни не видел ничего подобного. Откуда их всех взяли? Из каких местечек собрали эти музейные экспонаты? Марк слышал когда-то, что после разрушения второго храма римлянами в Иерусалиме евреи одеваются так в знак скорби о разрушенной святыне. А ведь если было второе разрушение, то наверняка было и первое. Ни о первом, ни о втором Марк ничего не знал. Только когда храм отстроят вновь, они сменят траурную одежду на что-то другое. А сменят ли? Ведь вся еврейская жизнь – сплошной траур. Италия, где построены первые гетто для евреев, Испания, Португалия, старушка Англия, Германия, Австрия и вся Восточная Европа – есть ли место на этой земле, где евреи могли бы жить спокойно, не опасаясь погромов? Нет, значит, так и носить им траур до конца веков, потому что кто же им будет строить храм в месте, из которого они уже как шесть веков тому назад изгнаны? Они пытаются заново, везде, где селятся вновь, построить свой маленький храм, куда несут свои беды и горести, маленькие и большие радости, кладя всё это на алтарь того, чьё имя нельзя произносить лишний раз. И того, кто знает, для чего он наслал все эти испытания на свой маленький избранный народ. Конечно, ему там видней, ведь он знает, для чего всё это делает, но нам, нам-то, Всевышний наш, любимый наш, нам здесь что делать? Во славу твою храним мы верность заветам твоим, и молимся трижды в день, и не едим тrefного (евреям нельзя есть свинину, некоторые виды рыб и смешивать мясное с молочным). Всё, как ты учил нас, о Создатель! Но почему не помогают нам молитвы наши и заветы твои? Разве не видишь ты с небес, как больно нам? Нас убивают везде, и скоро не останется у тебя паствы, а у гоев (не евреев) есть свои боги, им ты будешь не нужен. И кто тогда будет рассказывать тебе про свои дела и искать совета в твоих священных книгах? Кто зажжёт свечу перед наступлением шабата? Кто будет читать кадиш (поминальная молитва) и кто будет ждать мессию? Где ты найдёшь ещё таких верных слуг, которые ждут его две тысячи лет, переживая всевозможные гонения, и будут ждать ещё столько же, если будет тебе так угодно? Но чтобы ждали мы прихода его, оставь в живых хотя бы детей наших, чтобы они могли дать потомство, а то потомство ещё одно, чтобы было кому ждать милости твоей и посланца твоего ещё две тысячи лет. Ты не думай, Всевышний, любимый отец наш, мы не жалуемся, мы привыкли к судьбе, что ты нам уготовил. Мы не знаем, за что, и хотя постоянно спрашиваем у тебя, ни разу не снизошёл ты до ответа детям своим. Ой-вэй, тяжело нам, Господи, ой как тяжело. Неужели тебе доставляет удовольствие смотреть на страдания наши? Смотри, Господи, смотри, а наши глаза уже закрываются, и не сможем мы более созерцать тот

прекрасный мир, который создал ты трудами своими, и славить тебя более не сможем. Прости нас, Господи, ибо грешны мы, сами не понимаем в чём, но тебе видней. Позволь нам принять долю нашу, ту, что уготовил ты детям своим. Благодарим тебя за всё, Господь бог наш, царь вселенной. Аминь!

Работы оказалось больше, чем вначале предполагал Беббер, когда приглашал Марка в качестве дополнительного советника. Теперь он был очень даже рад, что есть рядом русский доктор Миша, который выполняет всю работу, пока он и Ганс сыплют анекдотами и сальными шуточками в адрес Ольги. Но та только отмалчивается, неужели ей жалко этих евреев? Всё может быть, ведь она фольксдойче и даже никогда не была в Фатерланде. Но что её объединяет с ними, только русский язык, это варварское бормотание. Разве могут русские писатели сравниться с Гёте и Ницше? А русские композиторы никогда не достигнут уровня Баха, Моцарта и Вагнера. Ей нужно как можно быстрее вытравить из себя остатки этой русскости и стать настоящей, пусть и неурождённой, арийкой. Беббер знал, что Ольга является любовницей начальника охраны. Он и не претендовал на её внимание, но улыбнуться его анекдотам она может? Да и Ганс всю старается, неужели несколько еврейских смертей произвели на неё такое впечатление? Не может быть, она без колебания отправляла на расстрел всех, кто мог хотя бы отдалённо выглядеть евреем, и никто при этом не замечал у неё признаков плохого настроения. Наоборот, она была рада отомстить советам за всё, что она перенесла. Ольга молчалива, никогда и никому не рассказывает, что делали с ней русские. Разумеется, служба безопасности в курсе всего, иначе бы она не попала в учебный центр и не получила звание лейтенанта. Нет, Ольга свой, надёжный арийский товарищ. И рука у неё не дрожала, когда она сама принимала участие в расстрелах. Не обязана была, но над ней пошутили, сказав, что убить коммуниста или еврея у неё кишка тонка. Нет, не тонка кишка у Ольги, талия – да, тонка, но нервы у неё как стальные канаты.

На следующем квартале Марк увидел разбросанные по мостовой сумки и узлы. Два грузовика под брезентовыми тентами закрывали от стоящих людей последние лучи солнца, которые они могли увидеть в своей жизни. Было ясно, что этим людям баулы и узлы больше не понадобятся. Лиц бывших в машинах людей Марк не видел, он просто чувствовал их, от этих двух грузовиков по воздуху плыло ощущение несчастья. Будь они даже без тентов, Марк вряд ли бы осмелился поднять голову и взглянуть в глаза отбывающим в последний путь. Жирная крыса вылезла из разбитого полуподвального окошка, перебежала дорогу и стала обнюхивать брошенные узлы. На другом конце квартала уже шли несколько человек, ведя под уздцы лошадь и собирая брошенные вещи. Видимо, уже готовили квартал под заселение вновь прибывшими.

На каждом углу Марк видел какие-то безумные сцены. Там стояли вдоль стены мужчины с руками, поднятыми выше головы и прислоненными к стене. На другой стороне улицы, прямо напротив них, точно также стояли женщины. И тех, и других не спеша обыскивали полицаи из местных. Они особенно не церемонились. Мужчины получали удары деревянными дубинками по спинам, головам и ягодицам. Полицаи мог запросто ударить с размаха ногой в пах. А если ударенный сгибался от жуткой боли, его немедленно распрямляли десятком ударов дубинками. Женщин бесцеремонно ощупывали, задирали им юбки, иногда дёргали вниз заношенные рейтузы. Женщины молча плакали, но не смели противиться. На одной из них разорвали кофту и сорвали бюстгальтер. Посмеив прикрыться руками, она тут же получила несколько ударов дубинкой. Женщина закричала от боли, и муж, презревший опасность, бросился ей на помощь и тут же получил пулю в живот. Он упал, а полицаи били его в лицо и в живот сапогами. Вскоре он замолк, а когда его избитая, полуголая жена бросилась к нему, то и она тоже получила пулю. Осмотр закончился, все разошлись, лишь на мостовой медленно умирали два человека, исполняя данную когда-то клятву быть вместе до самой смерти. На следующем квартале грузили в машину детей. Малыши, оторванные от родителей, кричали и плакали. Матери вцеплялись в

их худенькие тельца и упрашивали взять их с детьми, чтобы они могли умереть вместе с ними. Полицаи и здесь нещадно лупили всех, кто попадался под руку. Грузовик с детьми отъехал, и на мостовой сидели и лежали, захлёбываясь в исступлённом плаче, избитые женщины, у которых отобрали самое ценное – их детей.

Вернувшись в лагерь, Марк прошёл в комнату и даже не вышел к ужину. Еда не полезла бы в рот. Он так и остался лежать на кровати, не раздеваясь и не разуваясь. Остальные, видя, что он не в себе, не лезли с расспросами. Ещё несколько дней Марк не мог прийти в себя, но потом его затянула текучка, и картинки из гетто преследовали его всё меньше и меньше. В Дулаге смерть тоже ходила за всеми по пятам.

Глава 8

Зима в Дулаге

Наступил декабрь, земля уже больше недели была покрыта тонким слоем снега. Пленным выдали шинели и телогрейки, прошедшие прожарку. Шапок на всех не хватило, и каждый выкручивался как мог. На голове часто можно было увидеть тряпчатое нагромождение или кусок шинельного рукава, аккуратно распоротый до середины длины, чтобы надеть его на голову и подвязать под подбородком какой-нибудь верёвкой. Работать пленным приходилось всё труднее, поскольку кирпич в завалах и руинах, покрытый снегом, уже прилично подмерзал и становился более похожим на бетон. Теперь приходилось тратить силы не только на его вынос, но и на отбивание от других кирпичей. К тому же голыми руками приходилось держать лом и лопату. Несколько пленных решили нанести себе увечья, чтобы не ходить на работу. Беббер, хоть и прислушивался к Марку, но всё равно был преданным своей родине и фюреру. Иначе и быть не могло, точно так же, как и в Красной армии. Германское министерство пропаганды нисколько не уступало Советскому политуправлению. Промывкой мозгов в обеих организациях занимались идейно выдержанные фанатики и карьеристы. Попасть под пристальное внимание органов значило как минимум сломать себе карьеру, а то и лишиться свободы и жизни. В некоторых случаях Беббер был не согласен с Марком, вскрывая факты уклонения от работы и самовредительства. Ему тоже хотелось выглядеть хорошо перед своим начальством. В таких случаях Марк ничем не мог помочь, а в лагере появлялся свободный комплект одежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.